

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.

ЦЕРКОВЬ

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
 На годъ ..... 5 р. — К.
 „ полгодъ ..... 2 „ 50 „
 „ мѣсяцъ ..... „ 50 „
 Подписка разрѣшена къ 1-му январю высылается 2 руб., къ 1-му мая 2 руб., и къ 1-му октября 1 руб. Первая половина „Коричневой“ высылается головнымъ почтовымъ заказомъ однимъ долговѣстнымъ рублемъ. Вторая половина „Коричневой“ высылается по получении послѣдней изъ высланныхъ копій подписки.
 Объясненія печатанія послѣдъ тиражи — 20 коп. за строку печати.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
 Москва, Биржевая площадь, домъ г-на Рабуановскаго.
 Телефоны 204—43.

За перемѣну адреса объявляется 25 коп.

Редакция открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 до 6 час. вечера.

Редакторъ принимаетъ въ понедѣльникъ отъ 3 до 6 час. дня, а въ среду — отъ 12 до 2 ч. дня.

Рукописи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безвѣстными; до принятія къ печати сохраняются два мѣсяца и затѣмъ уничтожаются; обратно пересылается только по уплатѣ стоимости пересылки.

С В Ѣ Т Ы .

ФЕВРАЛЬ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3 (мед. о мѣсяцѣ и фарсеѣ). Гласъ Б: Св. праведныхъ Симеона Богопріимца и Аны пророцѣи. — Св. муч.: Ан. рана, Евула, Евлава, Вруда, Пела, Дюдоръ и Евлава. — Св. проф. Азарія.
 ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 4: Препод. Николая Панаѣйскаго, Нисола, иеромонаха студійскаго, и Кирилла, игумена новосербскаго. Свѣт. муч. Авраамія Арменскаго — Ученикъ св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича.
 ВТОРНИКЪ, 5: Св. муч. Агѣй, Феодулъ, Евлава и Макарія.
 СРЕДА, 6: Преп. Висула, епископа смирнскаго. — Св. муч.: Иудана,

Фавсты дѣвцы, Евлава, Максима, Марыи и Маріи сестрицъ и Кириона черноризца.

ЧЕТВЕРГЪ, 7: Препод. Паренія, епископа ламскискаго, и Луки Емалскаго.

ПЯТНИЦА, 8: Св. великомуч. Феодора Стратилата. — Св. проф. Захарія Серпуховца.

(УБИЮТА, 9: Св. муч. Николая. — Св. свѣт. муч. М-реда, Флагарія и Павратія — епископовъ). Отдание грядника Свѣтѣи Господня.

Древняя Церковь и новая.

Въ теченіе столѣтій — съ 1551 года по 1652, т.-е. со времени Стоглаваго собора до патріарха Николая, русская православная церковь пребывала въ такомъ спокойствіи, и въ такомъ разцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ, какимъ она вообще никогда не пользовалась — ни во времена предшествующія, ни во времена послѣдующія. Пусть представители современной господствующей церкви и не согласны съ этимъ нашимъ утвержденіемъ. Но дѣйствительные и неопровержимые факты свидѣтельствуютъ объ этомъ. Эти представители могутъ сослаться только на одно: «Тогда-де не было правильныхъ книгъ; въ нихъ содержалось много важныхъ погрѣшностей». Такъ, между прочимъ, утверждаетъ объ этомъ историкъ русской церкви Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій. Жестко отозвался онъ о первыхъ русскихъ печатныхъ книгахъ: «Богослужебныя книги во многомъ несправны, а въ такомъ видѣ онѣ, вмѣсто того, чтобы быть полезными, могли вредить православію» (періодъ IV, § 18, стр. 133). Еще

рѣче отозвался Филаретъ о древнихъ славянскихъ рукописяхъ. «Разногласіе рукописей славянскихъ заставляло терять надежду видѣть когда-нибудь въ славянскихъ книгахъ лицо правды святой, — то, что могло выхлѣбъ изъ московской типографіи» (тамъ же, стр. 205, § 26).

Таковы обвиненія къ русской церкви времени 1551—1652 гг. Согласны ли на время съ этими обвиненіями. Пусть въ тогдашнихъ книгахъ были неточности, неправда, пусть были погрѣшности. Но сама вѣра православная развѣ въ то время не была чистой и достоянью неприкосновенности? Сила вѣры развѣ не двигала горами? Развѣ не эта сила въ смутное время сохранила православную Церковь, государство и народность и отъ внутреннихъ безпріятельныхъ во всей русской исторіи неудачъ, и отъ сильнѣйшаго натиска со стороны р.-католицизма и со стороны польско-литовскаго государственнаго мочи, распоразжающейся тогда сублями всей Средней и отчасти Сѣверной и даже Южной Европы?

р 42133
4 ер.

Все это сдѣлала исключительно сила вѣры. Тотъ же Филаретъ чрезвычайно высоко отзывался о русской православной вѣрѣ въ смутное время. «Много, — говоритъ онъ, — надобно было твердости, чтобы устоять противъ такого бурного духа времени, сохранить вѣрность законному порядку, готовому поглотить отъ страстей, вѣрность вѣрѣ чистой, поставляемой въ опасность ипокривьемъ. И времена самозванцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ представляютъ столько мрачнаго въ жизни русскихъ, были временемъ христианскихъ, славныхъ подвиговъ для гражданина Митина, для князя Пожарскаго, для патрiарха Ермогена и крестьянина Сусанина. Тысячи вытерпѣли все ужасное за вѣру и отчину или палили жертвами лютости захватовъ. Для другихъ подвиговъ цѣлой жизни окончилась вѣрностью мученичества. Преподобный Геннадій, сынъ несчастнаго князя Бѣльскаго, скрывалъ знатность подъ одеждою отшельника. Полаганъ въ 1613 году, расорилъ Вологду, осверднѣвъ святыню храмовъ, носилъ мзасидцевъ на пикахъ по городу, не щадилъ ничего, не пощадилъ и дряхлаго старца-отшельника, избилъ и мучилъ его до того, что онъ чрезъ три дня умеръ страдальцемъ. Преподобный Евросинъ, сынъ южнорусскихъ лѣтъ служившій Господу, въ 1600 году, по любви къ безмолвной жизни, поселился близъ Ладожскаго озера; святою отшельническою жизнью онъ привлекъ многихъ для слушанія наставленій его. Въ 1612 году ляхи напали на пустынную обитель Евросиноу, разсѣли преподобному голову и онъ скончался мученически» (тамъ же, § 40, стр. 298).

Сколько людей въ то время перетерпѣли мученическую кончину, — объ этомъ никакихъ историческихъ данныхъ не сохранилось и никакой подсчетъ, даже только приблизительный, совершенно невозможенъ. Имѣются только крайне скудныя и неполныя указанія. Въ одномъ 1605 году въ Спасскомъ монастырѣ погребено болѣе 200 челоувѣкъ, въ Черногряжскомъ — 702, въ казанскомъ Троицкомъ — 68 плотоковъ, въ костромскихъ — Боговленскомъ и Крестовоздвиженскомъ — 22 инока (у Филарета, тамъ же, § 40, стр. 299, примѣч.). Указъ одинъ этотъ фактъ показываетъ, что пострадавшихъ за вѣру, за Церковь и за отечество должно считать тысячами, даже не десятками тысячъ, а сотнями.

Такая необычайная даже въ русской исторіи вышина силы вѣры имѣла мѣсто именно во время всероссійской смуты, когда, по общему признанію нынѣшней господствующей церкви, нани богослужебныя книги были неправильныя и переполнены всякаго рода погрѣзностями. Допустимъ, что при патрiархѣ Николѣ книги были надлежащимъ образомъ исправлены. Но развѣ чрезъ это сила вѣры въ русскомъ народѣ и въ его пастыряхъ усиливалась и увеличивалась? Нѣтъ, нисколько нѣтъ. Во второй половинѣ XVII вѣка господствующая церковь съ немощною силой боролась съ старообрядчествомъ. Но какъ? Не силой вѣры, а огнемъ и мечомъ. Не было даже простаго убѣжденія въ правильности своего обряда, вѣрнѣе защищаемаго всею государственною и церковною силой. Яснымъ показателемъ служатъ допущенныя тогда подлоги, въ видѣ египетского Трѣбища, Дѣянія собора на Мартіна, и т. п. Человѣкъ убѣжденный, дѣйствующій силой своей вѣры, пусть и неправильной, психически не можетъ совершать подлогивъ въ защиту своего вѣрованія: для этого онъ долженъ измысливать другія, болѣе частыя средства. Вообще дѣйствовало на убѣжденіе и не сила вѣры, а начало вѣрнѣе и грубо матеріальное. Назовемъ его *господствомъ*. Нужно было сокрушить противника исключительно въ силу своего господства, — безъ всякой проверки собственнаго вѣрованія и безъ всякаго изслѣдованія въ области вѣрованія противниковъ.

Во времена петровскихъ реформъ, въ господствующей церкви, именно въ ея основаніи и неизбѣжномъ канониче-

скомъ строе, была произведена необычайная брешь, неисправленная до сихъ поръ и, быть можетъ, вообще никогда непоправимая. Теперь это открыто сознается большинствомъ и притомъ лучшими представителями господствующей церкви. Большинство же это сознавалось и при самомъ Петрѣ, въ эпоху церковной генеральной ломки. Но сознавалось скрыто, подъ строжайшимъ секретомъ даже отъ своихъ ближнихъ. Была мысль, что происходитъ вѣчто особенно вредное и непоправимое. Но не было силы воли подать свой голосъ въ защиту окончательно разрушаемыхъ и вѣчныхъ правъ церкви.

Мы имѣемъ въ виду не одно уничтоженіе патрiаршества, а петровскую церковную реформу во всей ея совокупности.

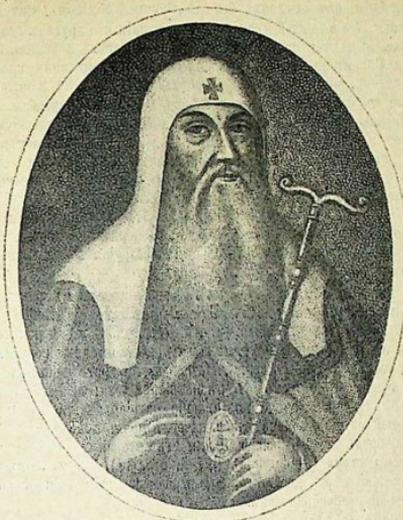
Смыслъ петровской реформы заключается не въ уничтоженіи патрiаршаго титула, что не особенно важно, а въ распыленіи самой идеи священно-епископскаго служенія. Эта реформа сдѣлала то, что самое понятіе о епископѣ, какъ нечеловѣкѣ за свою пастырь, за свой народъ, отошло въ область преданій. Изъ свободной нынѣ святельской, той сферы любви христианской, — въ этомъ собственнаго и по преимуществу заключается смыслъ епископства и священства вообще, — епископы были переданы, отчасти насильственно, отчасти добровольно, въ разрядъ государственныхъ чиновниковъ, обязанныхъ безрезервно исполнять волю начальства и лишенныхъ права защищать свой народъ. Чрезъ это извратился основной смыслъ епископства, а вмѣстѣ съ этимъ и всего священства. Мало-по-малу и церковь вообще превратилась въ вѣдомство, пусть и именуемое «православнымъ», но все же не столько не сходное съ Церковью по существу, но и прямо противоположное ей.

Этотъ историческій процессъ въ господствующей церкви продолжается до сихъ поръ. И на нашихъ глазахъ «православное вѣдомство» все дальше и дальше отодвигается отъ дѣйствительной вѣры и дѣйствительной Церкви. Вѣра и Церковь, какъ бы сознавались во времена апостольскія, во времена вселенскихъ соборовъ и во времена допетровской Россіи, все болѣе и болѣе утрачиваютъ свое значеніе. Устранить этотъ распадъ и это уничтоженіе вѣры и церкви не сможетъ и предполагаемое восстановленіе патрiаршества, потому что нѣтъ никакой надежды, что чрезъ это будетъ восстановленъ утраченный смыслъ священства.

Въ противоположность этому историческому уменьшенію вѣры, начавшемуся въ господствующей церкви со временъ Никона патрiарха и позже все прогрессирующему до нашихъ дней, предшествующее время, какъ было показано выше, явилось торжествомъ вѣры. Именно въ это время сила вѣры достигла до такой высокой степени, до какой она не доходила раньше во всю русскую исторію. Съ этимъ могущественнымъ проявленіемъ вѣры могутъ сравняться только старообрядческія времена, въ гоненія при Софій Александрѣ и въ послѣдующія.

При двоперстіи, при стубой аглиціи и т. д., господствовавшимъ на Руси въ смутное время, сила вѣры достигла высшаго предѣла. Начиная же съ Никона патрiарха, когда, какъ утверждали, были введены наиболѣе правильные обряды и обычай, сила вѣры пошла на убыль. Фактъ знаменательный, но неоспоримый.

При малѣйшемъ благоразуміи необходимо признать, что въ данномъ случаѣ преимуществу всегда на сторонѣ старообрядцевъ. Счите двоперстіе неправильнымъ, должны будете сознаться, что неправильность восполняется глубокою вѣрой въ таинственность, выражаемую въ двоперстіи и точно согласованную съ основными и главнѣйшими догматами христианства и истинною при исполненіи вѣрнѣе образности. Будете наирать на исключительную правильность троперстіи, впадете въ рожъ самоосужденія. Исключитель-

Святитель Иовъ, первый блаженнѣйшій патриархъ Московскій и всея Россіи.

Святитель Іосифъ, послѣдній блаженнѣйшій патриархъ Московскій и всея Россіи.

ная святость тросерстія должна бы побудить васъ какъ къ истовому сложенію перстовъ, такъ и къ истовому знаменію. Только при различномъ сложеніи перстовъ, безмысленно, бездейномъ допустима небрежность въ ихъ сложеніи. Только при безразличномъ отношеніи къ воображенію креста возможно вѣсто знаменія безсодержательное маханіе.

Все сейчасъ сказанное отнесется и къ другимъ видимымъ сторонамъ господствующей церкви, не только къ другимъ, но вообще ко всемъ, къ совершенію богослуженія и даже къ совершенію таинства. Небреженіе, перадрѣисъ съ удивительно яркостью блещущъ рѣшительно во всехъ проявленіяхъ церковно-богослужебной жизни. Вся никоновская реформа какъ будто бы была введена единственно только для того, чтобы всѣ нововведенные обряды и обычаи рѣшительно утратили свой идейный смыслъ, даже во мнѣніи своихъ поклонниковъ и защитниковъ. Какъ будто бы церковный уставъ удержитъ съ тою цѣлью, чтобы онъ не исполнялся.

Это перадрѣисъ, это бездейное отношеніе къ обрядности, вообще ко всей видимой церковно-богослужебной или церков-

Патриархъ Филаретъ, родной отецъ московскаго государя Михаила Федоровича.

но-молитвенной жизни, свидѣтельствуя о томъ, что среди членовъ и представителей господствующей церкви нѣтъ увѣренности въ правильности обрядовъ и обычаевъ, вообще всей церковной реформы, введенной Никономъ патриархомъ и дополненной послѣ него, нѣтъ осмысленно-идейнаго отношенія къ обрядовой молитвенной жизни.

Три смертоносныхъ язвы разбѣдаютъ тѣло современной господствующей церкви: безмысленное и бездейное отношеніе къ обряду, государственно-чиновничье значеніе, присвоенное въ видѣ существеннѣйшей основы свяществу и епископству, и лишеніе върущающаго народа правъ на опредѣленіе и устроение своей церковно-общественной жизни (отсутствіе народно-церковнаго самоуправленія).

Этихъ явъ или этихъ бичей православная Церковь не въдала и не имѣла въ то время, когда она неукоснительно содержала постановленія Стоглаваго собора и въ своей жизненной правотѣ этого собора, т.-е. во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Всѣ эти ея сыны и всѣ ея представители были твердо увѣрены въ сія-

ни руководствовались правилами этого собора, т.-е. во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Всѣ эти ея сыны и всѣ ея представители были твердо увѣрены въ сія-

ни на Руси благочестія въ значительно большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣ они были преисполнены глубокой, твердой и непоколебимой вѣры въ непорочность Церкви, въ святость всѣхъ ея уставовъ, въ чистоту и непорочность содержания ея обрядовъ и обычаевъ. Въ нихъ не было никакой тѣни сомнѣнія и недоумѣнія. Они вѣровали безраздѣльно и беззащечно. Въ глубинѣ сердечной вѣры они признавали за собою священный долгъ безукоризненно исполнять всѣ предписанія Церкви, всѣ ея обряды и обычаи. Въ этомъ чувствѣ, въ этой преданности церковнымъ уставамъ и церковнымъ обычаямъ, пусть и нигдѣ неписаннымъ, но признаннымъ и охраняемымъ, сливались всѣ во одну душу и одно тѣло,— всѣ отъ простаго мирянина до папа и до первосвященника всей Церкви. Все установленное въ Церквѣ, все признанное всѣмъ народомъ, все сознаваемое за древнее преданіе и дѣйствительно идущее въ глубь вѣковъ и затеривающееся почти въ невѣдомой исторической дали,— все это считалось не во власти людской, а во власти Божіей, святымъ и непорочнымъ. Царь, святители-митрополиты и патриархи и даже церковные соборы не считали себя въ правѣ что-либо измѣнять въ этомъ общеріанномъ преданіи, наоборотъ—они признавали за собою священный долгъ и священную обязанность все это сохранять въ полной чистотѣ и непорочности и восстанавливать, если оно въ чемъ-либо или гдѣ-либо окажется нарушеннымъ или измѣненнымъ.

Церковь живѣтъ преданіемъ, ищущимъ основы вѣковъ, и сама создаетъ преданіе въ лицѣ своихъ знаменитыхъ учителей, великихъ подвижниковъ и мрянъ, полагающихъ свои силы на устроение человѣческой жизни на началахъ Евангелія. Но апостольско-вселенское преданіе, подъ влияніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, или просто съ теченіемъ времени, можетъ затеряться, измѣниться. Въ истинной Церкви совсѣмъ изгладится или утончилось оно не можетъ. И та церковь, которая вовсе утратила апостольско-вселенское преданіе, уже перестала быть истинною Церковью, хотя бы она и сохраняла въ своей средѣ преемственную иерархію.

Истинные соборы—вселенскіе и помѣстные,— всѣ вообще, а не только тѣ, постановленія которыхъ занесены въ Корчужу, не были реформаторами, а только возобновителями истиннаго преданія апостольскаго и преданія мѣстной церкви, падающаго отъ ея собственныхъ святыхъ. Они возобновляли древнее преданіе, существующее въ Церквѣ, но затеменовое, или же разъясняли неясное въ этомъ преданіи. Они не вводили ничего новаго, а всегда соглашались съ преданіемъ, дѣйствующимъ въ Церквѣ, и устанавливали его. Такъ же поступали и наши русскіе древніе соборы—Владимірскій и Стоглавый. Они ставили своимъ главнымъ заданіемъ выяснить, каковы преданія о томъ или иномъ предметѣ, какъ поступали въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ наши собственные великіе пастыри и угодники и эти преданія вводили въ общій писанный законъ. Поэтому эти соборы не шли въ разрѣзъ съ общою русскою христіанскою мыслию, а служили ей и укрѣпляли ее, сами основываясь на ней. Никакой рѣчи о правахъ вводить что-либо новое и неизвѣстное у нихъ не было и такой власти они себѣ не усваивали. Соборамъ и святытелямъ принадлежала только одна власть: карать пороки, но карать ихъ не новыми какими-либо законами, а существующими и всѣмъ извѣстными или подлежащими быть извѣстными, и удалять административный порядокъ во внѣшнемъ управленіи Церковью и улаживать порядки церковно-богослужебный, оцѣна—таки съ полнымъ сохраненіемъ основы порядка существующаго, общеріаннаго, безъ внесенія чего-либо новаго, непривычнаго для слуха и глаза людей.

Что служило внѣшнимъ показателемъ этого всеобщаго, удивительно стройнаго и неразрушимого никакю силой единства? Если бы этотъ вопросъ былъ предложенъ какому-нибудь умному и начитанному москвичу того времени, то, видѣ всякаго

сомнѣнія, онъ отвѣтилъ бы слѣдующимъ образомъ. Сначала сказалъ бы о Святой Троицѣ, о воплощеніи и о другихъ основныхъ догматахъ православной Церкви и затѣмъ добавилъ бы: имя Спасителя—Исусъ, положеиное осыноконечному кресту Христову, знаменуемаею двоерукимъ сложениемъ и истою, а не съ небреженіемъ, восхваляемъ Св. Троицу сугубо ангельскою пѣснью аллилуія; все это почитаемъ неспорочно и неизменно и неразрушимымъ ни для народа, ни для архимандритовъ, ни для соборовъ и при сполненіи всего этого должны вести благочестивую жизнь. Иного отвѣта ожидать нельзя по самому статусу тогдашняго общаго міросозерцанія.

Отвѣтъ глубоко старообрядческой. Это самое старообрядчество и было основой всей тогдашней церковной жизни. Эта основа сплавала всѣхъ людей въ неразрушимое единство и вдохновляла въ нихъ великую вѣру.

Русскіе люди того времени глубоко и сердечно вѣровали и потугали свою вѣру неподлежащему никакимъ измѣненіямъ, ни убавленіямъ, ни прибавленіямъ. Праведность и непогрѣдность ихъ вѣры свидѣлствуется даже представителями современной господствующей церкви. Историкъ Филаретъ черниговскій такъ свидѣлствуетъ о вѣрѣ патриарха Іова: «23-го января (1589 г.) происходило поставленіе патриарха (Іова)... Нареченный патриархъ исповѣдалъ на орѣдѣ предъ лицомъ всего собора, предъ Богомъ и избранными Его ангелами, *правду, непорочную вѣру*» (Періодъ IV, § 1-й, стр. 11). Это исповѣданіе праведной вѣры, добавивъ мы, выразилось въ чтеніи символа вѣры по старообрядчески.

Самы русскіе почитали свою вѣру сияющею во всей вселенной. На соборѣ 17-го февраля 1598 г., при избраніи на царство Бориса Годунова, объ избрательномъ и о вѣрѣ было засвидѣтельствовано: «Всероссійское царство оиъ (Годуновъ, при Феодорѣ Иоанновичѣ) въ тишинѣ устроилъ, воинскій чинъ въ прирѣзѣи о многот милости, въ стропеніи учинилъ, все православное христіанство въ покоѣ и тишинѣ, обѣднихъ вздовъ и сиротъ въ крѣпкомъ заступленіи, всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудная рѣка милосердія изливалась, *святая наша вѣра сіяющею осененной свыше естъ, какъ подъ небесами пресвятое солнце*» (С. М. Соловьевъ, История Россіи, т. VIII, стр. 7, изд. 1886 г.). Это гласило всероссійскаго собора, состоявшаго изъ 474 членовъ, среди которыхъ было 99 духовныхъ, во главѣ съ патриархомъ Іовомъ, всѣми русскими митрополитами, архіепископами и епископами.

Патриархъ Іовъ былъ проникнутъ глубокимъ сознаніемъ о чистотѣ и непорочности вѣры и Церкви. Вотъ онъ въ послѣдній разѣ, предъ вопареніемъ Јеждимитрія, служить литургію въ Успенскомъ соборѣ. Измѣнники ворвались въ храмъ, стали срывать съ патриарха святительскую одежду. Онъ снялъ съ себя напалю, положилъ ее предъ иконою Владимірскою и сказалъ: «Здѣсь, предъ сею святою иконой и быть удостоенъ сана архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ чистоту вѣры: нѣтъ влукъ бѣствіе православнаго, торжество обмана и ереси. Матерь Божія слава Церковславіе!» (У Карамзина, т. XI, гл. 3, въ концѣ).

Подъ именемъ чѣстности и чистоты вѣры понимались именно церковные уставы и обычаи. Знаменитый священикъ великій князь Симеонъ Фебукатовичъ однимъ изъ первыхъ поднялъ свой голосъ противъ Јеждимитрія. Онъ презрѣвъ милость и ласки самозванца и убѣждалъ истинныхъ сыновъ Церкви умереть за ея святые уставы (У Карамзина, тамъ же, гл. IV, стр. 153, изд. 1892 г.). Соборъ гонимыхъ Јеждимитрія Василія Шуйскій совѣтовалъ въ Боярской Думѣ: «Мы должны искать мужа знаменатаго родомъ, усерднаго къ вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обычаямъ» (тамъ же, стр. 181). При переговорахъ объ избраніи на русскій царскій престолъ польскаго королевича Владислава послѣднее въ непремѣнную обязанность было поставлено: блюсти и чтить святые храмы, иконы и мощи чѣстныя, патриарха и все духовенство. Не быть въ Россіи ни

латинским, ни других исповѣданій костелами и молебнымъ хрѣмомъ. Не перебивать древнихъ обычаевъ.

Умереть за вѣру и Церковь для людей смутнаго времени означало—умереть за тогдашніе уставы и обычаи церковные. Иными словами,—русскіе люди смутнаго времени дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ позднѣе старообрядцы. Поэтому-то они и оказались побѣдителями. Недаромъ, какъ будетъ показано, въ одной изъ слѣдующихъ статей, во главѣ первоначальныхъ старообрядческихъ дѣятелей стояли прямые потомки дѣятелей смутнаго времени.

Объ омофорѣ, саккосѣ и митрѣ.

Въ статьѣ подъ такимъ названіемъ Н. Пальмовъ въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» (кн. VII, VIII за 1912 г.) даетъ историческія справки о происхожденіи сказанныхъ священническихъ одеждъ. Нѣкоторыя изъ этихъ справокъ довольно интересны, и мы считаемъ нелишнимъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

Омофоръ,—говоритъ г. Пальмовъ,—знаменующій за будущую святыню овицу (Лук. XV. 4—5), которую взяла на рамена свои архирей, сѣдлау прибуру Добраго Пастыря, ижебѣ, надо думать, апостольное происхожденіе. Уже въ вѣкъ апостольскій подъ именемъ *оросъ* или *оросіонъ* была известна у христіанъ одежда, покрывавшая шею и плечи (слово *оросіонъ* состоитъ изъ *оросъ* = плечо и *сіонъ* = шея). Одежда эта не составляла, впрочемъ, исключительной принадлежности высшихъ іерархическихъ лицъ въ Христовой Церкви—апостоловъ и ихъ преемниковъ. Она носилась была и Божіей Матерью и другими святыми жонами, при чемъ покрывала у нихъ не только шею и плечи, но еще и главу. Въ короткой накидкѣ у восточныхъ монаховъ, покрывавшей плечи, и на языкѣ древнѣйшихъ греческихъ чиновъ постриженія въ монашество являющейся иногда словомъ *πάλιον*, также можно усматривать родственность *оросіонъ* или *чиріонъ*. Такой-то *оросіонъ* или *чиріонъ*, покрывавшій шею и плечи, и былъ, по преданію, сотканъ собственноручно Богоматерью для Лазаря праведнаго, тридцать лѣтъ епископствовавшаго послѣ своего воскресенія въ *Китейскомъ градѣ*.

Восточному омофору на Западѣ соотвѣтствовалъ у епископовъ палий. Онъ совершенно такъ же, какъ омофоръ, облегалъ шею и плечи. Въ такомъ видѣ палий представляется на изображеніяхъ римскихъ епископовъ св. Каллиста I (218—233 гг.) и св. Марцеллена (296—325 гг.), у R. Garrucci в его изданіи: «Storia della Arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa». Палия у западныхъ епископовъ застегивалась на груди геммами.

Особой священной характеръ *оросіонъ* получалъ, вѣроятно, въ апостольскій еще вѣкъ. Но прямое свидѣтельство о такомъ характерѣ глаголетъ, теперь архирейскаго облаченія мы имѣемъ только отъ IV вѣка. Именно о св. Митрофанѣ, архирейскіи константинопольскомъ (315—325 гг.) повѣствуется, что, объявивъ пресвитера Александра своимъ преемникомъ, согласно волѣ императора и желанію народа, онъ сложилъ съ себя омофоръ на *се. трансу*. Этого послѣдствія св. Митрофанъ, конечно, не сдѣлалъ бы, если бы омофоръ не былъ священной одеждою.

Вмѣстѣ съ священнымъ характеромъ епископскіи омофоръ въ глубокой древности получалъ и символическое значеніе. Св. Исидоръ Пелусіотъ (ум. 436 г.) говоритъ, что «омофоръ епископа, сдѣланный изъ волны, а не изъ льна (*ἐξ ἑρίων: ὄν, ἀλλ' ἔξ ὄντων*), означаетъ кожу заблудшей овцы, которую Господь, разыскавъ, воспріялъ на рамена овецъ».

Когда епископскіи омофоръ пріявалъ видъ болѣе или менѣе широкой ленты, облегающей шею съ плечами и спускающейся спереди и сзади,—съ точностью неизвестно. Можно лишь предположить, что это случилось уже послѣ торжества христіанства. Тогда епископы, по своему высокому положенію въ просвѣщенномъ христіанскомъ вѣровъ греко-римскомъ государствѣ вступили въ рангъ знатныхъ великихъ государствъ и должны были принять въ свое облаченіе тѣ видѣніе знаки отлѣчки, которые усвоены были свѣтскимъ чиновнымъ лицамъ. Газанымъ отличіемъ должностныхъ лицъ въ греко-римскомъ государствѣ былъ *лоръ*,—широкая кайма пурпуроваго цѣта по туникѣ сенаторовъ и консула. В доимператорскій періодъ эта кайма отбѣлялась отъ туники и въ консулатомъ отбѣня образovala изъ себя широкую повязку вокругъ шеи, падающую на грудь. Консульская повязка вышнлась разноцвѣтными узорами, а когда отъ консулату перешла она затѣмъ къ императорамъ, то стала украшаться драгоценными камнями и жемчугомъ. Этого-то *лоръ*, какъ отлѣчки должностныхъ лицъ въ греко-римскомъ государствѣ, и пріяли для себя христіанскіе епископы, украсивъ его первоначально однимъ крестомъ и бахромою. Замѣна древнѣйшаго *оросіонъ* или *чиріонъ* *лоромъ* въ эпоху торжества церкви тогда могла произойти съ тѣмъ болѣею легкостью, что преобразовать *оросіонъ* въ *лоръ* очень удобно: сдѣлано только прорѣзаніе въ *оросіонъ* у середины и сзади два спускающіеся конца той же самой матеріи, въ которой сдѣланы были *оросіонъ*. Получался трехострый архирейскій омофоръ—*лоръ*. Объ этой трехострости или «трехостранности» архирейскаго омофора, послѣ его преобразования, сохранилось свидѣтельство у св. Софонія, п. іерусалимскаго, предполагаемаго автора. «Слова о Божественномъ священствѣ». Онъ прямо называетъ архирейскій омофоръ *трехостраннымъ*. Хотя св. Софоній тутъ же и объявляетъ, что трехостранный омофоръ «содѣлываетъ архирей потому, что служитъ Троицѣ», но для насъ важно не это символическое и, конечно, позднѣешее толкованіе омофора. Въ свидѣтельствѣ св. Софонія о трехострости архирейскаго омофора для насъ важно подтвержденіе самаго факта соединенія древнѣйшаго *оросіонъ* съ *лоромъ*, каковое соединеніе произошло въ эпоху торжества перваго. Неудобно всякій разъ снова пристегивать дополнительныя части къ *оросіонъ* у послужаго, надо полагать, причиною того, что удлиненный архирейскій омофоръ сталъ изготовляться изъ одного куска матеріи. Такимъ омофоръ представляется уже въ VI в., какъ свидѣствуетъ биографъ св. Григорія В., папы римскаго, Іоаннъ диаконъ, и какъ это видно на изображеніяхъ омофоровъ на уцѣлѣвшихъ отъ VI вѣка мозаикахъ.

По описанію Іоанна діакона, омофоръ подѣлялся въ VI в. такъ, что одинъ конецъ омофора спускался съ праваго плеча подъ грудь, поднимался затѣмъ вверхъ на лѣвое плечо и падалъ на спину; другой конецъ омофора шелъ точно такъ же образомъ съ противоположной стороны и черезъ лѣвое плечо спускался сбоку. На стѣнѣ равеннской базилики св. Виталія, построенной имп. Юстиніаномъ въ 547 г., при входѣ въ алтарь доселѣ сохранилась исполненная мозаикой картина: стоятъ императоры, окруженный придворною свитою, съ тремя головными лицами. Въ числѣ по-

сидящих епископъ Максиміанъ. Онъ облаченъ въ тунику, въ сѣрую фелонъ и омофоръ; въ рукѣ епископа крестъ. Омофоръ въ видѣ довольно узкой ленты, съ крестами и съ бахромою по пошвамъ, лежитъ на епископѣ Максиміанѣ такъ, какъ описываетъ биографъ св. Григорія: одинъ конецъ омофора спускается съ лѣваго плеча напередъ до бедра, другой конецъ долженъ лежать на спинѣ. Омофоръ не плотно прилегаетъ къ шее, но низко падаетъ на грудь: sub pectore, super stomachum, какъ съ большою точностью опредѣляетъ диаконъ Іоаннъ. Въ другой равненской мозаикѣ—св. Аполлинарія—этотъ епископъ Аполлинарій изображенъ въ такомъ же облаченіи, какъ и сп. Максиміанъ, и омофоръ лежитъ на немъ совершенно такъ же, какъ лежитъ онъ на Максиміанѣ.

Изъ восточныхъ мозаикъ остановимся, прежде всего на мозаикѣ св. Софій константинопольской. Мозаики св. Софій величайшіе изданіи Зальцбергера, а шагъ русской ученый В. Прохоровъ изъ изданія Зальцбергера позанимать интересна для насъ изображенія святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова, Николая Чудотворца и др. и помѣстилъ ихъ во 2-й вынгѣ «Христіанскихъ Древностей и Археологіи» за 1864 г. Въ сравненіи съ омофорами Максиміана и Аполлинарія, омофоры у восточныхъ іерарховъ шире и длиннѣе. Широкою полосою лежатъ омофоры у святителей на оконечностяхъ плечъ, перегибаются на груди и широко же полосою спускаются долу. Спускающіеся концы омофора какъ бы выходятъ изъ поребрика. Перегибъ опять—sub pectore, super stomachum. Вѣсны называютъ омофоры у святителей на мозаикѣ константинопольской Софій «разнообразными», «свѣжаобразными».

Минологія имп. Василия Вагрянороднаго (976—1025 гг.) представляетъ въ своихъ минаторахъ, епископскій омофоръ уже иного устройства. Это—длинная повязка, обрамляющаяся вокругъ шеи, безъ раздвоенія. Перегибъ лежитъ высоко; концы омофора спереди и сзади длиннѣе. Въ омофорахъ такого типа изображены въ Минологіи шесть епископовъ въ картинѣ засѣданія VII вселенскаго собора. Епископы одѣты на полурукотомъ возвышеніи по обѣ стороны императрицы Ирины, предѣлательствующей на соборѣ. Омофоры на епископахъ напоминаютъ до нѣкоторой степени наши діаконскіе ораріи. Такіе же омофоры, какъ въ Минологіи имп. Василия, найдены и на святителяхъ въ недавно изданныхъ минаторахъ греческаго Минологія XII в. (мѣсяцы февраль и мартъ), хранящихся въ московской синодальной библиотекѣ. Такіе же омофоры и на штыкахъ изображены четырехъ святителей: Григорія Богослова, Василия Великаго, Іоанна Златоуста и Николая Чудотворца на греческой спатрахи XI—XII вв. патмоской сфеокиадина. Съ теми же же омофорами изображены святители и на мозаикѣ нашего Кіево-Софійскаго собора, на фрескахъ XII в. въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода, на фрескахъ Бурдоловскаго монастыря возлѣ Кіева, того же вѣка и др. Въ Россіи доселѣ удѣлять омофоръ св. Никиты, епископа новгородскаго (ум. въ 1107 г.), наиболее древній изъ омофоровъ, находящихся въ ризницахъ Россіи; онъ одиозоваго типа съ современными ему омофорами византийскими. Современнымъ можно признать греческій омофоръ московской синодальной (б. патриаршей) ризницы, усвоенный, по тѣмному преданію, даже св. Алевксандру, епископу александрійскому (ум. въ 326 г.), участнику I вселенскаго собора. Отличительною особенностью архіерейскихъ омофоровъ, начиная съ X—XI вв., является на нашъ взглядъ то, что они становятся широкими и длинными. Широкою и длиною омофоры эти рѣзко выделяются при составленіи ихъ съ омофорами на изображеніяхъ VI вѣка, и если о послѣднихъ можно сказать, что

они близки къ лорамъ греко-римскихъ великожъ, то объ омофорахъ съ X в. слѣдуетъ сказать, что они весьма напоминаютъ лоры византийскихъ императоровъ. Она не имѣютъ только прусущихъ императорскимъ лорамъ драгоцѣнностей. Драгоценные камни и жемчугъ не такъ скоро перешли съ императорскихъ лорозъ на епископскіе омофоры. Но лоръ, надѣтый, напримѣр, на имп. Никифорѣ III Вотанигѣ (1078—1081 гг.), по своему вѣтшему виду и положенію на корпусѣ весьма напоминаютъ нашъ нынѣшній, украшенный епископскій омофоръ.

Проф. А. А. Дмитриевскій дѣлаетъ удачную попытку болѣе точно опредѣлить время, когда императорскій лоръ перешелъ въ облаченіе византийскихъ архіереевъ. Проф. Дмитриевскій обращаетъ вниманіе на 14-е правило Константинопольскаго собора 869 г., каковымъ правиломъ разрѣшается носить омофоръ только нѣкоторымъ епископамъ и при томъ въ опредѣленные дни. Вопреки мнѣнію академика В. Е. Голубинскаго, который, основываясь на 14-мъ пр. Константинопольскаго собора 869 г., думаетъ, что омофоръ сначала до IV вѣка даже и не употреблялся епископами и только позже, какъ въ продолженіи второй половины IX—первой половины X вѣка принятъ всѣми епископами,—проф. Дмитриевскій совершенно справедливо утверждаетъ, что въ 14-мъ пр. собора 869 г. идетъ рѣчь не объ омофорѣ вообще, а о большомъ омофорѣ-лорѣ, который разрѣшался соборомъ въ пошнюю дѣйствительно опредѣленнымъ (св. оробавъ): епископамъ и въ опредѣленные праздничные дни. Подобному тому, какъ широкій императорскій лоръ сначала носили изъ свѣтскихъ лицъ не всѣ придворные чины, но только 12 высшихъ сановниковъ, такъ и византийскіе епископы получили императорскій лоръ—большой омофоръ сначала не всѣ. Только въ X—XI вв. большимъ омофоръ вошелъ вѣду въ церковное употребленіе, хотя, прибавилъ къ словамъ проф. Дмитриевскаго,—и въ это время, да и долго потомъ, епископскій омофоръ все-таки не былъ столь роскошно убранъ драгоцѣнными камнями и жемчужинами, какъ былъ убранъ имп. императорскій лоръ. Кресты на омофорѣ да бахромы на концахъ составляли первоначально единственное, повидимому, украшеніе епископскаго омофора въ византийской церкви и у насъ, въ древней Руси...

Высказываясь, даже, въ отношеніи саккоса, Н. Пальмовъ говоритъ. Первоначально саккосъ представлялъ собою узкую и длинную тунику, надѣвавшуюся съ головы, и вѣтшимъ выдомъ дѣйствительно оправдывать свое позднѣйшее наименованіе *σάκος* (=мѣшокъ). По мѣсту своего происхожденія, изъ Далматіи, эти туника назывались *Dalmatensis*, *Dalmatica* или, — что то же, — *Divitensis*, *Divitense*: далматикъ, дивитскій. Иногда такого рода одежда для удобства надѣванія разрывалась по бокамъ, и отдѣльные полотнища ея связывались у разрыва тесьмою или застегивались фибулами (на архіерейскомъ саккосѣ фибулы были замѣнены «звонцами»). Достаточно взглянуть на далматку, въ которую обдѣланы саладино-римскіе (германскіе) императоры (далматика составляетъ теперь собственность Ватикана, существуетъ много снимковъ съ нея въ археологическихъ и художественныхъ зданіяхъ), чтобы безъ колебаній признать въ ней какъ бы прототипъ нашихъ архіерейскихъ саккосовъ. Ватиланская далматика—изъ сильней шелковой ткани и великодѣльно расшита золотомъ и серебромъ; на ней изображенъ Христосъ во славу, съ силами небесными и святыми; далматика относится къ XII вѣку.

Полагаемъ, что въ облаченіи константинопольскаго патриарха далматикъ вошелъ одновременно съ тѣмъ, какъ онъ сталъ доступенъ знатымъ придворнымъ великожамъ византийскаго двора, т.-е. въ XI—XII вѣкахъ. Но патриархъ

облачно по ее дамагитъ-саксокъ (пуширюгаго цвѣта) только по особо торжественнымъ днямъ церковныхъ воспоминаній, какъ: на Пасху, на Рождество и въ Пятидесятину. Такъ было не только въ XII вѣкѣ, но даже и въ XIII вѣкѣ, по свидѣтельству Феодора Вальсамона и Дмитрія Хоматина, архіеп. болгарскаго. Въ обыкновенные праздничные дни при священнослуженіи константинопольскій патріархъ доводилось фелонью. Патріаршая фелонь только тѣмъ отличалась отъ фелони епископской и священнической, что имѣла на собѣ украшеніе въ видѣ креста въ большомъ количествѣ, отчего и называлась *πολυσταβήρα*. Изъ разсужденій блж. Симеона Солунскаго по вопросу, данному пентапольскимъ епископомъ Гаврииломъ: «Почему не носятъ епископы полуставрій и саксокъ, и, если надѣваютъ, то что въ томъ худого?»—видно, что въ XV вѣку, въ началѣ котораго жилъ св. сиргустигъ, саксокъ получилъ и у патріарха болѣе широкое употребленіе, чѣмъ имѣлъ раньше, а, съ другой стороны, и архіепископы стали носить его такъ же, какъ носилъ патріархъ. *Πολυσταβήρα* отъносится къ митрополитамъ. Такому порядку сочувствовалъ блж. Симеонъ: онъ говоритъ: «Делано, чтобы каждый хранилъ принадлежавшее его чину, потому что дѣлать то, что не дано, и подучать, что не подобаетъ, свойственно гордости». Но въ XVI вѣкѣ саксоны входять во всеобщее употребленіе у греческихъ архіереевъ безъ различія ихъ служебнаго ранга. Въ періодъ домонгольскій русскій митрополитъ не только не имѣлъ саксока, но, какъ справедливо полагаютъ акад. В. Е. Голубинскій, онъ не имѣлъ даже и *πολυσταβήρα*. Онъ совершалъ богослуженія въ одинаковой съ прочими епископами фелони и если чѣмъ отъ нихъ отличался, то только поручами и сигнотаніемъ (шапкою). Но въ 1346 году митрополитъ кіевскій уже благославляетъ епископа погородскаго Василія «ризи хрестіяны», самъ имѣя саксокъ. Въ 1358 году погородскій владыка Моисей получаетъ также изъ Константинополя отъ п. Фелоея и имп. Іоанна Кангакузена крестчатая ризы.

Древнѣйшій изъ саксоковъ, хранившійся въ московской синодальной ризницѣ, датируется 1322 годомъ. Саксокъ этотъ былъ утроненъ тогда, когда святитель Петръ митрополитъ, облачившійся въ него, пребывалъ поза еще во Владиміи. Въ Московской Руси въ саксокъ облачались только версоевскій митрополитъ, но учрежденіи же въ 1589 году патріаршества—только патріархъ. Но когда, съ учрежденіемъ патріаршества въ Россіи, началъ учреждаться и митрополитъ по древнѣйшимъ и значительнѣйшимъ русскимъ городамъ, какъ въ Новгородѣ, Казани, въ Ростовѣ и на Крютцахъ, то владыки вновь учрежденныхъ митрополитовъ получили отъ патріарха версоевскій и право облачаться въ саксоны.

Говоря, наконецъ, о митрѣ, г. Пальмовъ останавливается на той ея формѣ, которую теперь носятъ архіерей господствующей церкви (и, къ сожалѣнію, въ подражаніе имъ, нѣкоторые изъ нашихъ епископовъ), т.-е. митрѣ-коронѣ, онъ указываетъ, что эта форма совсѣмъ не древняя.

Обращая на себя вниманіе, — говоритъ онъ, — одно мѣсто въ греческой записи дѣяній Константинопольскаго собора 869 г., именно, — гдѣ идетъ рѣчь о присылкѣ даровъ іерусалимскій патріархомъ Феодосіемъ возстановленному въ іерархическихъ правахъ патріарху константинопольскому Игнатію. Въ числѣ даровъ указываются: подріе, наравнѣнны и митра—іерархическая одеяла св. Іакова, брата Божія. Конечно, подріе и параманіиокъ обозначаются, по ветхоавтійской номенклатурѣ, фелонь и омофоръ. Но что разумѣть здѣсь подъ митрою?

Прежде всего, самое слово *μίτρα* (отъ *μῶ*—связываю) съ приложеніемъ къ нему слова *στόλη*, показываетъ, что это

была не просто только повязка, но члѣдный головной уборъ (*στόλη* —платье, уборъ). О присутствіи на этомъ главномъ уборѣ какихъ-либо украшеній изъ золота, серебра и пр. въ записи не говорится. Повидному, одно имя апостола Іакова соединенное съ этимъ головнымъ уборомъ, даетъ ему особую члѣдность въ глазахъ св. Феодосія. Но, развѣ нѣтъ украшеній на головномъ уборѣ, хотя бы этотъ уборъ и принадлежалъ іерархическому лицу,—возможно признать его за то, что разумеется нѣтъ у насъ подъ именемъ архіерейской митры.

Что же это такое?

Съ древнихъ временъ съ именемъ апостоловъ вообще соединялся головной уборъ у *μοναχῶν*. Къ своему головному убору монахи относили слова апостола: *τὴν περιεσπῆσαν τοῦ σωτηρίου δέσασθε* (—платье спасенія воспримите, Ефес. VI, 17), и ему они условились дать наименованіе *το ἁποστόλων*, какъ это всего явнѣе можно видѣть изъ Псалтвовой пострижки въ монашество.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ восточной иконографіи на главахъ святителей нѣтъ никакихъ митръ, какъ и вообще нѣтъ какихъ-либо головныхъ покрововъ. Только въ миниатюрахъ Мниология имп. Василія Варгунородаго въ своеобразныхъ скруфѣйкахъ изображены александрійскій святитель: Аванасій и Кириллъ, и, кромѣ ихъ св. Спиридонъ Тримнеутскій, но нижнему краю маленькаго плотно облегающей голову скруфѣй котораго проходитъ какъ бы зубчатый (изъ треугольничковъ) вѣнчикъ. Повидному, тотъ же св. Кириллъ Александрійскій изображенъ и во главѣ собора трехъ святителей въ Изборникѣ Святослава 1073 г., ибо у этого святителя, съ темной бородой, на головѣ *скруфѣйка* бѣлаго цвѣта, со складками поперекъ.

Въ XII вѣкѣ, по свидѣтельству Феодора Вальсамона, александрійскій патріархъ уже украшалъ свою голову *золотыми лоромъ*.

Но и опять такъ золотой лоръ, поимый, по свидѣтельству Вальсамона, въ XII вѣкѣ александрійскимъ патріархомъ, не то же, что наша нынѣшняя архіерейская митра.

Болѣе древнюю форму митры въ Россіи г. Пальмовъ признаетъ такъ-называемыя *святительскія шапки*. Онѣ дѣлались, — говоритъ онъ, —обыкновенно изъ шелковой узорчатой ткани—«якмы» (рель нынѣшняго штофа), украшались штыми золотомъ священнымъ изображеніями и имѣли по нижнему краю мѣховую оторочку. На святительской, наприкѣр, шапкѣ п. Юва, датируемой 1595 годомъ, на плоской верхушкѣ шапка вышита и обнизана жемчужномъ образомъ Знаменія пресв. Богородицы, а по челу—Денсусъ, два архангела, два апостола, Петръ и Павелъ, два святителя и два преподобныхъ. Относительно происхожденія святительской шапки акад. Голубинскій высказываетъ то предположеніе, что она образовалась изъ монашескаго клубка, имѣвшаго пряде, до п. Никона, форму нынѣшней скруфы, если бы ее покрыты крепомъ. За богослуженіемъ крестъ съ монашескаго клубка снимался, и архіерей, какъ и прочіе священнослужители, оставаясь въ скруфѣ, которая тоже въ извѣстныхъ моменты богослуженія снималась. «Чтобы не класть скруфы плашмя и слышно, что весьма непреставительно, а ставить, началъ дѣлать ихъ (богослужбеныя скруфы) на твердой подкладкѣ, такъ что они получили видъ шалочекъ. Шалочки начали дѣлать изъ дорогихъ матерій, украшать простыми украшеніями и иглонамъ,—такимъ образомъ, и явились у нашихъ архіереевъ особыя богослужбеныя шапочки, увеличенныя потомъ до размѣра шалокъ, и эти-то сначала шалочки, потомъ шапки и суть нынѣшняя наша митра».

Конечно, ставитъ во внутреннюю связь святительскую

шапку и митру, при объяснении происхождения последней, нельзя—въ этомъ заключается ошибка акад. Голубинскаго, сдѣренная намъ архіерейская митра должна быть объяснена чрезъ сопоставленіе ее съ византійскимъ царскимъ въѣномъ, но та мысль Голубинскаго, что святицельская шапка выродилась изъ мозаическаго клубука-жукуля, заслуживаетъ, на нашъ взглядъ, серьезнаго вниманія и сочувствія. Обычай монаховъ не только носить въ домашнемъ быту кукули, но и присутствовать въ храмѣ за богослуженіемъ въ кукуляхъ—весьма древній. Быть въ дрешности и у благаго духовенства обычай надѣвать за богослуженіемъ скуфьяки; этотъ обычай связанъ съ другимъ древнимъ же обычаемъ духовенства выстригать на головѣ гуненце... Западный ученый VII вѣка Алкуинъ говоритъ о греческихъ священникахъ, что они созерзаютъ Божественныя Тайны съ покрытыми глазами и нѣютъ на главахъ скуфьи: *pileatos Divina Mystera cerebrare et chulias in capite gestare, dum assistant altariibus.* Но все-таки въ расуужденіи акад. Голубинскаго не видно, почему же у епископовъ появились на кукуляхъ-скуфьяхъ украшенія въ видѣ креста и крестовъ?—Намъ кажется, что отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ дать исторія мозаическаго клубука у епископовъ, когда такая исторія будетъ составлена.

Но пока нѣтъ этой исторіи, приходится довольствоваться отрывочными историческими справками и положеніями, нѣтъ-шнн характеръ простой вѣрности.

Издравле всѣ монахи украшали свои одежды и кукули крестами и иконами воображенными. Нетрудно догадаться,—это дѣло вполне естественное,—что кресты и «икони воображенныя» на клубукахъ епископовъ изъ монаховъ исполнялись со всею тонкостью и изяществомъ золотшвейнаго искусства. Акад. Голубинскій указываетъ на патріарха константинопольскаго Іоанна Галку (1316—1319 гг.) какъ на перваго изъ іерарховъ, украсившихъ своей головной покровъ изъ благаго полотна золотыми изображеніями Спасителя, Богоматери и Іоанна Предтечи; объ этомъ свидѣлствуетъ въ своей «Хроникѣ» Іоаннъ Кантакузенъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ данное время положительными доказательствами подтвердить свою мысль о болѣе раннемъ происхожденіи украшеній на святицельскихъ клубукахъ, чѣмъ времена п. Іоанна Галки, и поэтому въ дальнѣйшихъ своихъ расуужденіяхъ будемъ базировать на свидѣлствѣ Іоанна Кантакузена, какъ на первомъ пока извѣстномъ намъ, свидѣлствѣ о появленіи на патріаршемъ бѣломъ головномъ уборѣ украшеній, въ видѣ священныхъ изображеній изъ золота.

Когда бы—однако ни появились искусно исполненныя и материально-драгоценныя украшенія на патріаршемъ клубуцкѣ, во времена ли п. Іоанна Галки въ началѣ XIV вѣка, или ранѣе того,—во всякомъ случаѣ, у рядовыхъ епископовъ украшенія на клубукахъ не могли быть во всемъ одинаковыми съ богатыми украшеніями на патріаршемъ клубуцкѣ. Да и право на богатыя украшенія клубука епископъ долженъ былъ получить отъ патріарха, который, конечно, давалъ это право не всякому епископу, но заслужившему чѣмъ-либо эту честь. Прежде другихъ епископовъ *сатарфорами* оказывались, конечно, приближенные къ патріарху трону духовныя лица, такъ-называемые «архидьяки».

Русскій митрополитъ не могъ скоро получить украшенія—«рясна» на клубуцкѣ, а притомъ,—такихъ же, какія могли быть у константинопольскаго патріарха, въ іерархической зависимости отъ котораго входилъ митрополитъ. Но со временемъ «рясна» украсили и клубуцкѣ русскаго митрополита. Такъ думаетъ на основаніи, во-первыхъ, того, что кіевскій владыка сохранялъ у себя на клубуцкѣ крестъ, пере-

шедшій затѣмъ и на митру, даже тогда, когда Кіевъ подалъ литовско-польскому владѣчеству, такъ что при полавѣ преев. Гедеона, мн. Савлопольскъ-Четверинскаго, изъ лудскихъ описаніевъ въ митрополиты кіевскіе въ 1685 г. московскому правительству оставалось лишь «попуститъ» пошеіе креста на клубуцкѣ вѣ митрополиты кіевскіе въ 1685 г., при расуужденіяхъ о восстановленіи для м. Аванасія утраченныхъ его ближайшими предшественниками, митрополитами всероссійскими, правъ на бѣлый клубуцкѣ съ «рясами» и херувимами, было выведено на справку, что преемніе первопрестольныя, Петръ и Алексѣй, носили такіе же бѣлые клубуцки съ рясами. Считаю, повидимому, «рясна» неотъемлемою принадлежностью благаго клубука, соборъ 1564 года вспоминаетъ и о бѣлыхъ клубукахъ ростовскихъ св. епископовъ: Леонтія, Исая и Платія, а также указываетъ, что новгородскій архіепископъ носилъ бѣлый клубуцкѣ и теперь, какъ носили преемніе новгородскіе владыки, напримѣръ, св. Іоанчъ. Въ виду такихъ историческихъ данныхъ, выведенныхъ на справку, соборъ 1564 г. постановилъ и относительно м. Аванасія: «тому бы отцу нашему и богомольцу митрополиту высокострельная *дресня* почестъ учинити, носити бы ему бѣлой клубуцкѣ съ рясами».

Что касается до присутствія на святицельскихъ шапкахъ мѣха по околышу, то, помимо практической цѣли—предохранять голову отъ простуды въ зимнюю пору при совершеніи богослуженія въ холодномъ храмѣ и на открытомъ воздухѣ,—мѣха на святицельскихъ шапкахъ являлся показателемъ высокаго положенія въ церкви и государства носителя такой шапки. Возможно, что мѣха на святицельской шапку-кукулю перешелъ съ шапки великокняжеской, и перешелъ именно послѣ того, какъ старая великокняжеская шапка была замѣнена у московскихъ царей въѣномъ. По крайней мѣрѣ, на тѣхъ изображеніяхъ «Царственной книги», гдѣ фигурируютъ и царь Іоаннъ Грозный и всероссійскій митрополитъ, головные уборы ихъ различаются. Царь—въ невскокомъ въѣцѣ съ острыми пшанями, а митрополитъ—въ круглой, плотно облегающей голову шапкѣ съ мѣховымъ околышемъ.

Итакъ, ко всемъ видимостямъ, и въ Византіи, и въ Грузіи, и у насъ, въ Россіи, святицельская шапка предшествоуетъ, по времени своего происхожденія, архіерейской митрѣ-коронѣ. Въ Россіи митра-корона перешла изъ Греціи при п. Николѣ.

Безрелигіозное богословіе.

Въ нѣдрахъ самой господствующей церкви все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса, изоблачающіе ея богословіе въ непригодности къ христіанской жизни. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» на-дняхъ помѣстилъ на своихъ страницахъ интересную статью: «Фарисействующее богословіе», въ которой доказывается, что богословіе синодальной церкви противно искренней живой вѣрѣ, оно чуждо подлинной христіанской жизни.

Да! Наше богословіе въ его господствующемъ направленіи по существу безрелигіозно—и такимъ оно останется со

время схоластики, служительницы папского авторитета, а не вѣры. Съ тѣхъ поръ, какъ это богословское направление вошло въ русскую духовную школу, изъ послѣдней вытравляется подлинный духъ живой религиозной вѣры. Съ тѣхъ поръ послѣдняя объявлена войною, противъ нея ведется походъ. Схоластика не признаетъ вѣры внутренней и замѣняетъ ее вѣрой изъ авторитета. Отсюда вся научная работа схоласта богослова сводится къ изученію авторитета. Личная религиозная жизнь остается настолько въ сторонѣ, что ее можно игнорировать. Самый процессъ работы сводится къ систематизации мнѣній церковныхъ авторитетовъ, экзегезису ихъ твореній и логической аргументаціи. Первая и вторая работа несомненно напоминаютъ труды историковъ философіи, историковъ вообще: не нужно быть канѣицемъ, чтобы толковать или отыскивать взгляды на извѣстный вопросъ Канта. И не нужно быть христианиномъ, чтобы излагать воззрѣніе св. отца на спасеніе, на государство и т. д., или писать филологическіе и реальные комментаріи къ священнымъ книгамъ, это можетъ сдѣлать и тотъ, кому чужда христіанская вѣра—магометанинъ, буддистъ, атеистъ. Мнѣ припоминается прона одного богослова надъ комментаріями, съ которыми такъ часто выступаютъ искатели богословскихъ ученыхъ степеней: онъ разсказываетъ, что такая работа сводится съ трудомъ къ образцу: расказываются возможно большее число пѣсенокъ, свѣтоточескихъ толкованій и затѣмъ всѣ эти мнѣнія приводятся одна за другою, пока не дойдетъ дѣло до послѣдняго мнѣнія, котораго ученый богословъ предпочитаетъ: «а по нашему мнѣнію, это слово сдѣдуетъ понимать такъ-то», а имя благодарно отправляетъ въ подорожное приѣзданіе. И эта прона слишкомъ близка къ дѣйствительности. Такъ пишутъ догматическія, этическія изсѣдованія, такъ составляются толкованія.

Апологетика должна доказывать. Ея обычная аргументація—рационализація. Достаточно вспомнить обычную манеру апологетовъ доказывать чужое его естественную возможность. Такъ легко понять, что подобное объясненіе—вытравленіе изъ полягаю о чуждъ самымъ важнѣйшъ чертъ послѣднихъ. И ничего другого быть не можетъ тамъ, гдѣ пытаются «отъ разума»—было бы правнѣе говорить «отъ разсудка», доказывать то, что по существу недоказуемо, ирраціонально, «свѣтло», «безумно» для эллиновъ—искателей человеческой мудрости. Рационализирующіе богословы исправляютъ дѣло Христово, подобно Великому Инквизитору, пытаются сверхъчеловѣческаго абсолютную истину вложить въ узкія рамки человеческого ограниченаго разсудка. И въ этомъ—коренное заблужденіе богословской науки нашихъ академій. Оттого-то такъ неудачны были и противорѣчивы, такъ плохо неустойчивы воззрѣнія богослововъ. Въ изданіи знаменитой книгѣ Мельникова «Будущаго богословіе» сказано не мало и справедливаго по адресу православнаго русскаго богослова. Но съ обычной для старообрядца точки зрѣнія Мельниковъ оставляется на «сумнительствѣ» и уклоненіяхъ отъ истинной вѣры въ отдѣльныхъ пунктахъ, фразахъ, словахъ. И надо сознаться—прочной опоры для православной мысли нѣтъ. Напр., извѣстная книга ннѣ высокороссійскаго Сергія «Православное ученіе о спасеніи» такъ односторонне выдвигаетъ человеческій моментъ въ дѣлѣ спасенія, что умолчаніе о благодатной сторонѣ спасенія въ послѣдніе годы свѣтскому автору, несомнѣнно, было бы поставлено на видъ, какъ ересь. Отъ католичества въ протестантство и обратно кажется рационализирующая мысль нашихъ богослововъ и не можетъ установиться: слишкомъ всеобъемлюща правда Христова, чтобы ее можно было вложить въ логическія формулы; слишкомъ тяжелою она, чтобы ее могли поддержать подпорки нашего разума. Антиномизмъ Евангелія—первый показатель его вѣчной неизживаемости и ясный источникъ вѣчной же борьбы съ логическимъ отвѣтственной мыслью.

Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, заключается корень злости и пегеримости современнаго господствующаго направленія въ богословіи. Какъ ни преклоняется предъ авторитетомъ схоластическая мысль, она самымъ фактомъ преклоненія предъ однимъ разрушаетъ другой пунктъ воззрѣній, авторитета и плочому, въ концѣ концовъ, обязана обратиться къ правословію, чтобы доказать себя, къ умолчанію одностороннему обществу вопроса. А при возмѣннѣхъ болѣе широкую приходится подѣлать авторитета, на мѣсто ученія святыяго Писанія и преданія становится произвольно избранное субъективное мнѣніе. Такъ авторитетъ Церкви, ея вселенскаго сознанія подмѣняется частнымъ исповѣданіемъ отдѣльнаго лица, претендующаго на всестороннее изложеніе евангельскаго ученія; такъ катехизисъ Филарета и догматика Макарія

превратились въ символическія книги, по которымъ опредѣляется правый образъ мыслей богослова.

Въ заключеніе авторъ статьи «Фарисействующее богословіе» говоритъ, что богословскія книги господствующей церкви наполнены мертвыми костями. И стужъ этихъ костей злобнѣе говорить о смерти. Послѣдній похоронить скоро и мертвое богословіе и его творцовъ.

За какую свободу воюють славяне.

Послѣ двухмѣсячнаго перенія, не давша желаемыхъ результатовъ, на Балканахъ снова заговорили орудія и полилась человѣческая кровь. Славяне храбро наступаютъ на моговожество своего угнетателя—Турцію и, можетъ-быть, Богъ поможетъ имъ низложить навсегда этого супостата. Они отстаиваютъ свободу своей совѣсти и вѣры. Турки угнетали ихъ до такой степени, что не дозволяли имъ, точно старообрядцамъ въ Россіи, имѣть церковныя колокола при храмахъ и знонить въ нихъ къ богослуженію. Въ журналѣ «Вокругъ Свѣта» (№ 4) напечатанъ интересный очеркъ русскаго военнаго корреспондента И. П. Мамонтова, посвященный героямъ балканской войны. Въ первыхъ же строкахъ очерка г. Мамонтовъ рисуетъ картину стѣсненій славянъ со стороны турокъ.

Порались пораженныя дѣти, пять вѣковъ тому назвать скванія вѣное Балканское славянство, и вперые вздохнули свободю, полную грулю, многострадальныя себѣ, васоевичи и македонци. Вперые на Свѣтло Рождество Христова зазвенѣли колокола православныхъ церквей, пять вѣковъ хранившиеся по приказу турокъ подъ сѣномъ, и вѣнчолѣвній, сердце радующій благобѣе смѣялся дребезжащее «б и л о — ж е д ѣ з н ю д о с к у у церковныхъ дверей, вперые призвы къ христіанской молитвѣ оказался сильнѣе возгласа музанина, съ минарета нарисовѣть возвѣщавшаго правотворныхъ—Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ. Богъ.»

Пять вѣковъ сплошнаго кошмара, непрерывныхъ истязаній, надругательствъ и насилій, отощи въ вѣчность, и на еще неизажившія раны балканскихъ народовъ антегъ мира накинута свое вѣнчельное покрывало...

И теплѣ, на побѣдою пологого дѣла, полого года, полого года христіанской зры на Балканахъ, какъ нельзя болѣе умнѣтно помнитъ нашихъ героевъ и подаетъ славу живымъ освободителямъ зарубежныхъ братьевъ.

Мнѣ, пережившему съ болгарскими вождями все ихъ доблестный походъ отъ Балканъ до Чаталджи, всей душой сроднившимся съ ними—мнѣ позволите повѣдать вамъ о подвигахъ этихъ, не исказившихъ суетной славы, героевъ, пока муза исторіи со свойственнымъ ей опозданіемъ не занесла еще ихъ безсмертныя дѣла на свои пыльные скрижали.

Далнѣе идетъ разсказъ о славныхъ герояхъ теперешней балканской войны. Хорошее «было» они показали туркамъ. Долго они будутъ помнить, какъ зарпастъ христіанамъ имѣть колокола при храмахъ молитвы. Молодцы, славяне!!

Прежніе и нынѣшніе искатели архіерейства.

Великія дѣла должны быть поручаемы великимъ людямъ, способнымъ исправно и уснѣшно исполнить возлагаемыя на нихъ порученія. Исканіе архіерейства не только великое дѣло, оно еще есть священное служеніе Церкви, требующее отъ ея исполнителей чистоты души и подвига, самоотверженной преданности дѣлу и искренней любви къ нему и всестороннихъ

знаний въ многочисленныхъ церковныхъ вопросахъ. Нельзя вручать святою нечистымъ рукамъ, иначе это будетъ осквернение ея. Нельзя чистое дѣло возлагать на людей порочныхъ, они испавдутъ ея до степени своей порочности. Опасно сложное и серьезное дѣло поручать людямъ неопытнымъ, непослужнымъ, двуличнымъ. Они испортятъ его и совсѣмъ погубятъ своимъ незнаніемъ и лукавствомъ. Еще опаснѣе дѣло вѣры и благодати отдавать въ распоряженіе людей неблагоочестивыхъ, маловѣрующихъ и невѣрующихъ. Атеисты, преподающей урки по Закону Божію,—самый зловерный распространитель невѣрія и безбожія. Апостолъ Павелъ восклицалъ: «Кое бо причастіе правды къ беззаконію? Или кое общеніе свѣта во тьмѣ? Кое же согласіе Христово съ Веліаромъ?» (2 Коринт., гл. VI, ст. 14—15). Одно съ другимъ быть не можетъ. Самъ Господь говорить: «Не можете Богу работать и мамонѣ, ибо «нѣтъ же можетъ дѣла господина раба» (Матт., гл. VI, ст. 24). На служеніе алтарю Господню призываются потому люди только благоговѣйные, чѣлоудренныя, чистыя, правденныя, безпорочныя «вѣды апостольскія», столбецъ 4251). Какими же нравственно безупречными и высокими по уму и знаниямъ должны быть служители, которымъ поручается столь великое и столь священное дѣло, какъ «возстановленіе» въ Церкви архіерейства. Они должны вмѣшать въ себя богатство многихъ духовныхъ дарованій. Они должны быть не только чистымъ душою, но и обладать обширными познаніями въ вопросахъ догматическихъ, каноническихъ, богослужебныхъ, уставныхъ и многихъ другихъ. Имъ необходимо имѣть въ себя наиболѣе цѣнную способность—повалить на душу убѣждаемаго человѣка, возжечь въ ней огонь вѣры, убить ее въ правотѣ св. Церкви, въ которой она призывается и приобщитъ ее къ этому тѣлу Христа — Церкви. Наши предки прекрасно понимали всю трудность и все величье этого дѣла. Къ исполненію его они приступали съ пламенной молитвой къ Богу всей нашей св. Церкви, съ горячими слезами и величайшимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ духовныхъ силъ. На отысканіе епископа они избирали изъ своей среды лицъ наиболѣе охотворенныхъ и наиболѣе одаренныхъ духовными талантами,—людей огнелюбной вѣры и кристальной чистоты. Последние обладали чудотворной способностью—оставить все и идти искать заблудшую овцу (Матт., гл. XVIII, ст. 12). способностью отдаться этому дѣлу до полного забвенія всего земного, до пожертвованія ради него всей своей жизнью. Такими избранниками были знаменитые въ старообрядчествѣ иноки: Геронтій, Павелъ и Алимпій. Сначала первые двое были посланы на Востокъ для изслѣдованія тамошнихъ религій и узнать—не сохранились ли гдѣ благоочестивые епископы. Потомъ Геронтій смѣнялъ Алимпія. Павелъ съ Алимпіемъ и обратили въ старообрядческую Церковь греческаго митрополита Амвросія. Не мирскимъ людямъ, занятымъ грѣховной суетой, поручили наши предки дѣло отысканія епископа, а духовныхъ, отрѣшенныхъ отъ міра, при чемъ такими, которые дѣйствительно были выдающимися людьми, способными на великія подвиги и самоотверженіе. Необходимо обрисовать ихъ хотя въ краткихъ чертахъ.

Инокъ Геронтій, въ мѣрѣ Герасимъ Исаевичъ Колмаковъ, родился въ 1803 г. отъ старообрядческихъ родителей, крестьянъ с. Ярмолова, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи. Съ ранняго дѣтства Герасимъ выучился читать и читалъ книги преимущественно духовнаго и нравочучительнаго содержанія. Посредствомъ чтенія онъ вошелъ въ духъ великихъ отцовъ Церкви, ихъ благодатное воздѣйствіе воспитывало его въ благодатной жизни, въ жаждѣ личнаго подвига и нравственнаго совершенствованія. Подъ этимъ воздѣйствіемъ у Герасима рано сродилось стремленіе къ иноческой жизни. Еще 19-лѣтнимъ мальчикомъ онъ ушелъ въ бессарабскій монастырь, известный подъ именемъ Серковскаго, утѣившійся въ очень уединенномъ мѣстѣ (въ Орѣвскомъ уѣздѣ, Бессарабской губ.). Здѣсь

онъ проявилъ большое усердіе въ отпращиваніи церковныхъ службъ и исполненіи строгихъ монастырскихъ правилъ. Черезъ три года по вступленіи въ монастырь онъ былъ постигаемъ въ иноки съ именемъ Геронтія. Известный чиновникъ временъ императора Николая Павловича, г. Липранди, такъ отзываясь о Геронтіи: «Геронтій былъ средняго роста, сухощавъ, съ мадевой рѣдкой бородкой, какъ и на головѣ, темныхъ волосъ, нѣсколько съ просвѣдо, лицо продолговатое, фціономія чрезвычайно привлекательная, на которой изображалось смиреніе, никогда не мѣнявшаяся, голосъ тихій, глаза каріе, небольшие, по весьма живые, говоръ ясный, разсчитанный, намѣтъ большая, и вообще онъ мнѣ показался, какъ съ перваго раза, такъ и въ продолженіе всего времени, человекомъ умнымъ, хитрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ твердымъ» («Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей», 1871 г., т. II, стр. 112—113). Въ донесеніи министру тотъ же Липранди рисуетъ инока Геронтія, какъ «имѣющаго много природнаго ума и большую начитанность въ церковныхъ книгахъ; также замѣтилъ въ немъ большую практическую опытность въ жизни и житейскихъ дѣлахъ, тонкое знаніе людей и короткое знакомство съ ходомъ и расположеніемъ обстоятельствъ» (тамъ же, стр. 127). Пользуясь большимъ довѣріемъ брагій Серковскаго монастыря, Геронтій неоднократно бѣдилъ по ея порученію во внутреннія губерніи Россіи для сбора подаяній на монастырь. Во время этихъ поѣздокъ онъ побывалъ въ наиболѣе крупныхъ центрахъ старообрядчества и въ знаменитыхъ старообрядческихъ монастыряхъ того времени. Въ одномъ изъ нихъ, Нахичеванѣ, онъ встрѣтился съ инокомъ Павломъ, известнымъ впоследствии подъ именемъ Вѣлкринникаго, и подружился съ нимъ. По прѣздѣ съ Павломъ въ Австрію Геронтій избралъ быть настоятелемъ Вѣлкринникаго монастыря. По присоединеніи къ старообрядчеству митрополита Амвросія иннокъ Геронтій былъ рукоположенъ въ священно-инока и затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1847 году онъ прѣѣхалъ въ Россію для сбора пожертвованій на Вѣлкринникій монастырь. Здѣсь онъ былъ схваченъ и по высочайшему повелѣнію заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Оттуда былъ переведенъ потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ одиночномъ заключеніи въ крѣпости онъ томился 21 годъ. Легко сказать—21 годъ, но выдержать ихъ въ каменномъ мѣстѣ, вдаль отъ міра, отъ родныхъ, друзей, знакомыхъ, падеитъ только съ своими думами и чувствами,—о, это невѣроятное томленіе. Прислушайтесь, что теперь дѣлается въ крѣпостныхъ заключеніяхъ. То и дѣло доходить отсюда мрачная вѣсти, что заключенные кончаютъ жизнь самоубійствомъ, до такого отчаянія доводитъ ихъ убійственное состояніе духа въ одиночномъ заключеніи. Что дѣлали съ о. Геронтіемъ въ крѣпости, какимъ подвергался онъ тамъ истязаніямъ и мученіямъ — это осталось тайной. Известно только, что продолжительное заключеніе поддѣйствовало на него въ такой угнетающей степени, что онъ разстроился умомъ. Несчастнаго страдальца вынулися за три мѣсяца до смерти изъ крѣпости и поселили въ гуслицкій Спасо-Преображенскій монастырь, здѣсь онъ и похороненъ 20-го іюля 1868 г. Въ «Братскомъ Словѣ» за 1896 г. было сообщено, что о. Геронтій присоединился къ господствующей церкви незадолго до своей смерти. Трудно повѣрить, что этотъ актъ онъ совершилъ сознательно. Надъ большимъ и безпомянутымъ мученикомъ что хотѣли, то и дѣлали въ тяжкомъ заключеніи. Мы вѣримъ, что Милосердый Господь, допустившій великія страданія вѣрному рабу своему, уцѣлово его въ своихъ свѣдѣхъ чертогахъ. Вся многострадальная жизнь о. Геронтія была чистымъ служеніемъ Господу и сломаннымъ подвигомъ. На его праведной душѣ не было ни одного сквернаго пятна. Даже враги старообрядчества, ненавидѣвшіе Геронтія за его хлопоты по учрежденію Вѣлкринникій митрополіи, не могли упрекнуть его въ какомъ-либо проступкѣ. Онъ былъ и по жизни и по дѣламъ настоящимъ праведникомъ.

Наибольшее значение въ дѣлѣ обращенія къ старообрядчеству митрополита Амвросія имѣлъ знаменитый инокъ Павелъ Вѣдокринскій. Онъ многими дарованиями превосходилъ инока Геронтія. Это былъ необыкновенный человекъ. Инокъ Павелъ, въ мѣръ Петръ Васильевичъ Венковорскій, родился въ 1808 году въ владѣнской подгородной слободѣ, извѣстной подъ названіемъ Зимогорскаго Яма. Онъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными способностями. Какъ и Геронтія, онъ выучился очень рано читать и писать. Писалъ онъ четко и красиво. Съ особенной страстью онъ зачитывался книгами духовнаго содержания. Съ дѣтства влекло его къ аскетической жизни. Еще 12-лѣтнимъ мальчикомъ онъ собрался бѣжать въ монастырь. Но былъ удержанъ своими родственниками. Вскоръ умеръ его отецъ и домашнія заботы о семействахъ легли на Петра Васильевича. Только на 25-лѣтнемъ возрастѣ онъ ушелъ въ монастырь. Мѣстомъ жительства избралъ знаменитый въ исторіи старообрядчества Лаврентьевъ монастырь, откуда онъ нередко посѣщалъ и другія старообрядческія общины въ Старорудбѣ. Въ Лаврентьевомъ монастырѣ онъ сблизился съ его настоятелемъ инокомъ Аркадіемъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ человекомъ. Сблизился онъ и съ другими замѣчательными человекомъ, жившимъ тогда въ монастырѣ, инокомъ Ефросимомъ, славившимся своими обширными познаніями въ Писаніи. Съ этими отцами Петръ Васильевичъ по долгу проводилъ время въ духовныхъ бесѣдахъ. Въ монастырѣ его полюбили. Онъ отличался набожностью и усердіемъ къ церковнымъ службамъ. Характера онъ былъ предпримчиваго и рѣшительнаго. Инокъ Геронтія даеть ему слѣдующую характеристику: «въ дѣтствѣ своего предшественникъ, быть добродѣтели духовнаго язда, какъ-то: любви, мира, странноприимства, богатости, милосердія, вѣры, кротости, воздержанія и духовной ревности; неслышныя похвалаетъ первобытныхъ прародителей и отецъ, въ странноприимствѣ поборникъ есть праотцу нашему Аврааму, вѣрою же сообщникъ есть Моисею Боговидцу, но благочестіи же ревностно похвалаетъ есть Ісавъ невоинственнику, нестяжаемъ же похваляетъ есть Іоанну Крестителю и Преподобцу Христову, въ твердости своею слово теломъ ищетъ есть веру апостоловъ Петру и Павлу»...

Въ 1836 г. онъ принялъ иночество, нарекился при постриженіи Павломъ. Евангельскимъ отцомъ онъ избралъ себя въищесцаго инока Геронтія. Они какъ бы духовно слились между собою. «Это была дѣйствительно примѣчательная двоичка, связанная рѣзкимъ единорудіемъ»,—говоритъ о нихъ профессоръ Н. Субботинъ.—При одинаковой ревности о пользахъ старообрядчества, при одинаковой готовности отдать все свои силы на служеніе ему, они различались нѣсколько другъ отъ друга своими свойствами характера, такъ что одинъ своими достоинствами могъ восполнять недостатки другого. Геронтія, старшій дѣтми и богѣ опытный въ житейскихъ дѣлахъ, своимъ спокойствіемъ, своимъ практическимъ смысломъ въ нѣкоторой степени умѣрялъ слишкомъ пылкіе порывы склопаго съ увлеченіемъ пріятели. Павелъ же, въ свою очередь, никогда не покидавшей энергіи, горячей вѣрой въ свое высшее предназначеніе и въ успѣхъ предпріятія, могъ возбуждать и поддерживать въ своемъ соудружкѣ постоянную бодрость духа и готовность на подвиги. Вообще же говоря, инокъ Павелъ при самомъ глубокомъ уваженіи къ Геронтію, какъ старшему дѣтми и особенно какъ евангельскому отцу, имѣлъ на него преобладающее вліаніе, которому тотъ невольно подчинялся. И это очень понятно, если взять во вниманіе характеръ Павла, къ этому времени, когда ему исполнилось уже 27 лѣтъ, вполне сложившійся. Тѣ черты его, которыя мы указали выше, теперь выступили во всей полнотѣ и ясности—эта увѣренность въ своемъ чрезвычайномъ призваніи, въ неуспѣшной бдительности надъ нимъ Высшаго Руководителя, эта предпримчивость, смѣло идущая навстрѣчу препятствіямъ, эта непреклонная вѣра въ успѣхъ будто бы выше указанного

предпріятія,—черты вообще свойственныя болѣе или менѣе характеру тѣхъ, нѣрѣдко являвшихся въ расколѣ антагонистовъ, которые дѣлались основателями новыхъ сектъ и увлекали за собою цѣлыя толпы слѣпо подчинившихся изъ темныхъ людей» (Исторія Вѣдокринской іерархіи, стр. 107—108, изд. 1874 года). Субботинъ, враздѣбно относившій къ старообрядчеству и особенно къ старообрядческой іерархіи, съ своей точки зрѣнія обидѣвалъ инока Павла и его призваніе. Онъ не вѣрилъ, что оно было выше. На самомъ же дѣлѣ жизнь и дѣятельность инока Павла заключаетъ въ себѣ столько необыкновеннаго, такое обиліе чудесныхъ событій, такъ много въ нихъ таинственнаго, проникновеннаго, что нельзя не повѣрить, что инокъ Павелъ былъ дѣйствительно избранникомъ Божіимъ, призваннымъ совершить великое дѣло. Ни одного дѣла Павелъ не начиналъ безъ молитвъ къ Богу. Онъ глубоко вѣрилъ, что имъ руководитъ Промыслъ Божій. Путешествіе инока Павла по Востоку даже въ субботинскомъ изложеніи нельзя считать безъ волненія. Такъ оно захватываетъ и потрясаетъ душу. Инокъ Павелъ былъ многосторонне набоженъ, обладалъ рѣзкимъ даромъ слова и всегда говорилъ увѣжденно, увлекательно и вдохновенно. Онъ оставилъ по себѣ нѣсколько сочиненій, они свидѣлствуютъ объ его обширныхъ познаніяхъ и глубокомъ его мыслѣ.

Меньшими дарованиями блисталъ третій «посвященный» по приписанію епископа, инокъ Аллимпій. Въ мѣръ его звали Аванасій Звѣрѣвъ, происходившій онъ изъ иташанъ посада Брызова, Полтавской губерніи. Иночество принялъ въ томъ же Серковскомъ монастырѣ, въ которомъ постриженъ былъ и инокъ Геронтія. Отсюда онъ скрылся за границу и поселился въ Вѣдокринскомъ монастырѣ. За границей онъ получилъ фамилію Милорадовичъ. Извѣстный Парфеній Гусинскій, прослаившійся своими клеветами на старообрядчество, завладевъ, что «Аллимпій, Геронтія и Павелъ были всею одного духу» («Книга о промыслѣ», стр. 37). Въ этомъ завлеченіи Парфенія правъ. Аллимпій былъ дѣйствительно того же духа ревности о славіи Церкви Божіей, каковыя жили и вдохновлялись на подвиги Геронтія и Павелъ. Проф. Субботинъ говоритъ объ Аллимпіи, что «это былъ весьма ловкій, въ высшей степени отважный и смѣлый человекъ, горячо преданный расколу». «Павелъ и Геронтія приобрѣли въ Аллимпіи новаго соудружника для осуществленія своихъ плановъ объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи,—соудружника, который отдался этому дѣлу всей душой, для него готовъ былъ на самые отважные подвиги, и, подъ руководствомъ такого разсудительнаго и дальновиднаго человека, какъ инокъ Павелъ, могъ дѣйствительно принести ему большую пользу» (Исторія Вѣдокринской іерархіи, стр. 153 и 201, изд. 1874 г.).

Эти три лица, Павелъ, Геронтія и Аллимпій, оставили по себѣ славу юную въ родѣ родовъ. Своей преданностью старообрядческой Церкви, своими подвигами и страданіями они съ Божіей помощію совершили востану великое дѣло: по ихъ хлопотамъ и заботамъ даны были австрійскимъ старообрядцамъ права имѣть у себя верховнаго святителя, ихъ старшія были обращены въ старообрядчество митрополитъ Амвросій, при ихъ соудржствіи учреждена въ Вѣдокринскомъ монастырѣ старообрядческая митрополія. Во всей этой дѣятельности они служили Церкви Христовой безстрастно, честно, съ пламенной вѣрой въ Промыслъ Божій, съ неизмѣрною преданностью этому святому служенію и съ полнымъ самоотверженіемъ. Служеніе ихъ Господь увѣнчалъ чудотворнымъ успѣхомъ. Это было для нихъ величайшей радостью и наградою имъ за ихъ труды и подвиги. Великое и святое дѣло въ старообрядческой Церкви Господь совершилъ чрезъ великихъ и праведныхъ людей.

Въ дѣлѣ учрежденія каведры старообрядческой за границей кромѣ описанныхъ лицъ принимали участіе и многие другіе церковно-общественные дѣятели старообрядчества. Все они

были горячо преданными этому делу служителями, любили искренней верой и нравственно чистыми, как благоуханный запах библейного цветка. Один из них закончил свою многострадальную жизнь в каземате (как, например, Аеоий Кочуев), другие десятками лѣтъ выстрадали въ крѣпости (Аркадій, Копонгъ, Гешнадій), третьи долгое время томилась въ ссылки. Большинствъ человѣческихъ жертвъ стоило учрежденіе Бѣнокриницкаго митрополита. Она не только вымождена и выплакана у Бога, она создана большими и тяжкими страданиями всей старообрядческой Церкви. Прискорбевъ и узокъ путь, ведущій въ жизнь вѣчную (Матв., гл. VII, ст. 14).

Совсѣмъ при другихъ условіяхъ рѣшили современные бѣгопловцы уредить у себя епископскую казарму и совсѣмъ нилія лица выступили въ роль исателя епископа. Но о нихъ въ слѣдующій разъ.

Шлаесъ.

Судьбы первоначальных старообрядческих типографій въ Россіи.

(Открыт по повелю 130-лѣтннго юбилея разрывшнхъ частнымъ лицамъ мнѣтв въ Россіи „вольныхъ типографій“).

1-го февраля 1913 года исполнилось ровно 130 лѣтъ со дня изданія высочайшаго повелѣнія: частнымъ лицамъ, проживающимъ въ Россіи, имѣть «вольныя типографіи». Никто не можетъ отрицать того, что русскіе старообрядцы, жившіе около этого времени, имѣли крайнюю нужду въ богослужебныхъ книгахъ.

Извѣстно, что при Никонѣ и его преемникахъ, въ особенности при Іоакимѣ—этомъ самомъ ужасномъ гонителѣ древняго православія—книги, изданныя при первыхъ пяти версоеисійскихъ патріархахъ и раньше ихъ времени, отбирались всюду: и отъ церквей, и отъ монастырей, и даже отъ лицъ частныхъ. Послѣдователи Никона съ глубокой ненавистью, сознательно и безсознательно, истребляли ихъ самымъ варварскимъ образомъ.

Послѣ изданнаго въ 1654 году Никонѣмъ Служебника, въ которомъ вмѣсто древнихъ православныхъ чиновъ, преданій и уставовъ вмѣщены были чины, вымышленные, всѣ православные набожные русскіе люди ужаснулись. Они были поражены этимъ до крайности. Со стороны высшаго блага духовства московскихъ кремлевскихъ и ближайшихъ къ нимъ соборовъ и церквей стали противъ такого Никонова своенравія и самонія появляются протесты довольно сильныя и основательныя. Однако Никонъ и его приспѣшники продолжали дѣлать свое нехорошее дѣло. Они при помощи кулачнаго права, огня и меча продолжали распространять свои новопечатныя книги и истребятъ старопечатныя. Духовенствомъ, какъ городскимъ, такъ точно и сельскимъ, а также и монастырями нехотно принимались новыя книги, тѣмъ болѣе отдавались прежнія патріаршія. Если гдѣ позвѣлились угрозы и принимались новыя книги, то онѣ ублажались въ упрямомъ мѣста, а богослуженіе продолжалось отрываясь по прежнимъ старопечатнымъ книгамъ. Все это, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ мимо глазъ и ушей никоневскихъ доносчиковъ и ищезъ. «Патріаршіе десятицѣльники и заказники» доносили Никону, что почти «все духовенство, какъ городское, такъ и сельское, ему оскупо, по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходскихъ церквахъ не поютъ». То же самое доно-

силось и о многихъ монастыряхъ. Противъзніе патріарху относительно новопечатныхъ книгъ дошло до того, что не только по многимъ московскимъ церквамъ, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ священники не переставали служить по старому, по іосифовскимъ книгамъ. Доволи объ этомъ дѣлали свое дѣло. Они услышали злобу Никона. Дѣлали его еще ожесточеннѣе. И онъ, писавшій «Божіею милостію великимъ государемъ» и патріархомъ, всѣмъ обьемомъ своей злобой души върызъ въ свое право не только учить, но повелѣвать и «налагать тѣлесная озлобленія», вошедшія потомъ въ качества догмата въ постановленіи собора 1666 и 1667 годовъ. Съ духовенства, уличеннаго въ службѣ по старопечатнымъ книгамъ, брали денежные пени, сажали ихъ въ монастырскія тюрьмы и т. п. Иногда осужденные вопи патріаршей «смирнли» лаять и богатами. Никонъ, наконецъ, распорядился болѣе вѣзгальныхъ лицъ изъ духовенства посылать въ ссылки въ дальнѣйшіе монастыри.—Врѣтъ духовный караулъ тѣлесна и караулъ жестоко и тяжело. О какихъ-либо «уступкахъ, о снисхожденіи, объ усмирении народа Никонъ и не помышлялъ. Это не касалось его чертовой души». Разойдись воево, и для того, чтобы прекратить повсемѣстно службы по старопечатнымъ книгамъ, Никонъ приказалъ по всѣмъ приходамъ, по всѣмъ монастырямъ отобрать старопечатныя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду прикрѣпить патріарха Филарета, но только повсюду отобравшаго, но даже сажнаго Уставъ, напечатанный въ Москвѣ въ 1610 году. Разосланнымъ отъ Никона своего рода опричникамъ для отобрания старыхъ, святочинныхъ книгъ «по многимъ городамъ и селамъ» не отдавали, и служить по нимъ не переставали. «Опричники» прибѣгали къ дракамъ, насиліямъ и даже увѣчьямъ изъ-за книгъ. Изъ нѣкоторыхъ церквей потому мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги и, какъ драгоценность, уносили съ собой въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго сѣвера. До крайности крутыя мѣры отобрания старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрѣсили всѣхъ, тѣмъ болѣе людей религиозныхъ.

— Какъ жъ,—говорили они,—вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ Божественную службу правили, вѣдь по этимъ кантамъ святая тайна совершалась и насъ освѣщали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ кантамъ святые отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали! Теперь ихъ насильно отбираютъ и жгутъ. Кто же правѣе, кто же святѣе: святые отцы и преподобные или Никонъ?

Но какъ ни разсуждалъ людъ православный, повторямъ, что при Никонѣ и его преемникахъ древнепечатныя патріаршія книги послѣдователи Никона отбирали и варварски истребляли. То же было и при Петрѣ Первомъ, послѣ упраздненія имъ патріаршества *).

Такимъ образомъ, старообрядцамъ въ тѣ группы, по отношенію къ нимъ, фанатическаго времени, при совершеніи у нихъ богослуженія приходилось довольствоваться самымъ небольшимъ количествомъ богослужебныхъ книгъ. Мѣстами онѣ дополнялись рукописными. Когда же тучи преслѣдованія немного проронились, то старообрядцы прибѣгли въ помощи зарубѣжныхъ типографій. Они стали печатать для себя самыя необходимыя книги въ польскихъ типографіяхъ, имѣвшихъ у себя церковно-славянскій шрифтъ. Когда же императрица Екатерина II разрѣшила частнымъ лицамъ имѣть «вольныя типографіи», то, воспользовавшись этимъ, кѣндовскіе куп-

* У сибирскихъ старообрядцевъ существуетъ преданіе, что при Петрѣ одновременно было сожжено столько старопечатныхъ книгъ, что послѣ этой операцин погребли мѣрныя: «конечно, это преувеличено, но основаніе сказанію есть».

цы-старобрядцы: Желѣзниковъ и Федоръ Карташевъ съ дозволенія мѣстнаго начальства открыли у себя въ Клинцахъ типографію печатать богоудобныя книги съ подлинниковъ дониконовскаго изданія. У Карташева кромѣ книгъ печатались еще «свѣчники» и разрѣзительныя молитвы, возлагавшіяся на умершихъ. Въ 1797 году императоръ Павелъ запретилъ «партикулярныя типографіи» во всемъ государствѣ. Старобрядческая типографія въ силу этого прекратила свою дѣятельность, но у Карташева въ Клинцахъ хранились всѣ типографскія принадлежности, а также и не печатанныя книги. Два года спустя послѣ этого малороссійскій военный генералъ-губернаторъ узналъ о всемъ этомъ и возбудилъ противъ содержателя типографіи уголовное дѣло, продолжавшееся до 1823 года. Хотя, какъ было сказано выше, типографскія тѣ существовали съ дозволенія мѣстнаго начальства, генералъ-губернаторъ Миклашевскій снарядилъ розыскъ и посланнѣмъ отъ него въ качествѣ слыщика «штатной роты» офицеромъ Чураковымъ въ погребѣ при домѣ Карташева были найдены принадлежности типографіи, два печатныхъ станка и недопечатанныя книги. Все это было отобрано и сдано на храненіе черниговскому городничему. Миклашевскій немедленно приказалъ все это освидѣтельствовать и два чиновника, назначенные къ этому, ему донесли, что въ типографіи Карташева «инструментовъ къ дѣланію» чего-либо фальшиваго не оказалось... изъ книгъ же, напечатанныхъ въ той типографіи, по оглавленіямъ видно, что онѣ печатались съ указаннаго дозволенія, свидѣтельствованы суражскимъ земскимъ судомъ. Въ 1800 году Карташевъ получилъ дозволеніе печатать отъ городничаго все отъ него отобранное, самое же типографію продать. Но это не осуществилось. Генералъ-прокуроръ Объявляновъ предписалъ черниговскому губернатору, что «несмотря ни на что, непремѣнно оную типографію имѣть подъ присмотромъ, и по содержанію высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія о непродажѣ типографіи, хранитъ ее впредь до повелѣнія». Въ 1801 году императоръ Александръ I вслѣдствіе возбужденнаго ходатайства единовѣрцевъ о печатаніи въ нихъ и старообрядцевъ книгъ съ подлинниковъ дониконовскаго изданія, повелѣлъ: «Типографіи въ посадѣ Клинцахъ быть попрежнему, но съ тѣмъ, чтобы напечатаніе оныхъ книгъ производилось съ вѣдома и дозволенія правительствующаго синода, и для того назначить синоду способныхъ надзираемыхъ и поднести о семъ докладъ».

Въ силу этого синода чрезъ сенатъ потребовалъ отъ мѣстнаго начальства приблизительно слѣдующимъ образомъ объясненій: означенная типографія въ Клинцахъ ли находится? Производится ли въ ней въ данное время книгопечатаніе? Подъ чьимъ она надзоромъ; сколько она имѣетъ станковъ для печатанія книгъ? и т. п. Обо всемъ этомъ синоду и сенату было представлено подробно, но синода этимъ не удовлетволялось. Онъ потребовалъ еще дополненія: были ли поданы въ черниговское губернское правленіе отъ кого-либо изъ старообрядцевъ просьбы о возобновленіи въ Клинцахъ поманутой типографіи. Въ отвѣтъ на это правленіе отвѣтало, что изъ старообрядцевъ ни отъ кого никакой просьбы не было, что типографія Карташева до сихъ поръ находится задроставанной.

Тѣмъ временемъ, когда шла такая переписка, клинцовскіе книгопечатальники, узнавъ, что на возобновленіе типографіи въ Клинцахъ состоялось высочайшее соизволеніе, обратились съ просьбой къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Куркину, пользовавшемуся особымъ довѣріемъ императора Александра I, — возобновить икъ книгопечатаніе. Князь благосклонно отнесся къ такой ихъ просьбѣ. Онъ принялъ даже на себя обязанность исходатайствовать разрѣшеніе на предметъ свободнаго печатанія старообрядческихъ книгъ. Такую

благосклонность князя старообрядцы-книгопечатальники учли въ свою пользу и книгопечатаніе началось вновь. Получивъ докладъ князя Куркина о необходимости дозволить книгопечатаніе, императоръ Александръ утвердилъ его, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобы «основать типографію отъ общества, а не какъ принадлежность частнаго лица»... Сообщая князю Куркину объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ высочайшую волю и въ синодѣ. Вслѣдствіи такой воли императора сталъ класть накали въ колеса, чтобы это дѣло затормозить. Особенно за такое дѣло принялся Павелъ, архієпископъ ярославскій и ростовскій. Онъ написалъ по этому поводу особое мнѣніе. Здѣсь митроносній писакъ разошелся воевою. Прежде всего онъ спрашивалъ: «Нужно святѣйшему синоду вѣдать, что разумѣется подъ именемъ дѣлаго общества, котораго типографія полагаетъ принадлежною. Если сіе есть общество клинцовское, или расколническое, общимъ церковнымъ правиламъ не согласующееся, то дарованіемъ ему права типографіи не предполагается ли и политическое его сознаніе?» Далѣе Павелъ заявлялъ, что подобное разрѣшеніе книгопечатанія «не возродитъ ли новыя споры и упорства»... «изъ содѣланныхъ же отъ клинцовскія книги любимѣйшими простому народу, учебными у дѣтей его и употребительнѣйшими у дѣтей его»... «Ибо опытъ показалъ, да и нынѣ у всѣхъ на виду, что поганно напечатанія»... въ «сей типографіи книги почти утrophli число противныхъ церквамъ»... что чрезъ это «вароудныя, градскія училища старообрядческими «дѣтими нигдѣ не посящавшяся». Словомъ, Павелъ вѣдѣлъ вслѣдъ и всюду отъ книгъ, напечатанныхъ въ Клинцахъ, грядущую опасность, забывалъ, что Христову Церковь не только клинцовскія старообрядческія книги, но и «врата адамы одолатъ не могутъ».

Перечисляя далѣе въ своемъ докладѣ о книгахъ, прежде напечатанныхъ въ Клинцахъ, Павелъ характеризуетъ ихъ очень своеобразно, высказывая въ этомъ свое полное невѣжество. Однѣ книги выходятъ отъ напечатанныхъ съ искаженіемъ или оупуеніемъ, ихъ обличающихъ текстовъ для поддержанія ихъ суевѣрія. Другія находятъ отъ напечатанныхъ «своемисленно и также съ порчею противъ подлинныхъ переводовъ»; третьи безыменныя, невѣстныя, противныя ученю христіанскому и церковной исторіи, противонаравственными; Четвѣтныя, каковы разнымъ святымъ и на разные случаи, четвергья... повоислѣнными на церковь, съ выборомъ словъ урывками изъ священнаго Писанія и даже укорительными царской власти, и всѣ—дожлы и клеветами наложненными.

«Изданіе въ публику такого рода книгъ,—по умозаключенію Павла,—естъ зло гражданское, церковное и нравственное» и т. п.

Князь Куркинъ такіа комментаріи синодаловъ считалъ за знакъ неотложнаго дозволенія возобновить въ посадѣ Клинцахъ старообрядческую типографію и отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, и разрѣшенія о возобновленіи типографіи отъ него, ни отъ преемника его власти послѣ этого до 1811 г. не было. Въ 1811 году на просьбу сына уже умершаго Федора Карташева, Акіма, о возобновленіи въ Клинцахъ типографіи послѣдовалъ отъ 28-го іюня 1812 года указъ синода, гдѣ, между прочимъ, говорится, что клинцовская «типографія, производящая печатанія старообрядческихъ книгъ на девяти станкахъ, какъ безъ дозволенія (синодскаго) существующая, со всѣми принадлежащими къ ней инструментами и найденными книгами совѣтникомъ черниговскаго правленія Назюновымъ запечатана и поручена надзору суражскаго земскаго суда» и т. п.

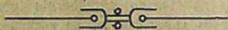
Съ своей стороны черниговскій генералъ-губернаторъ сдѣлалъ такое заключеніе, что открытая нынѣ въ Клинцовскомъ посадѣ купца Карташева типографія существовала съ

1806 г., не только без всякаго дозволенія, но и без вѣдома о ней начальства и без надлежащаго надзора... со стороны «св. синода»... Въ ней «между прочими книгами печатались и такія, которыя, мнѣнїем... архієпископа Павла, найдены недозволенными, какъ-то: Прѣтвники и каноны, а потому и приказалъ оставить оную со всѣми ея принадлежностями и книгами запечатанною, подъ надзоромъ суражскаго нижняго земскаго суда, вѣредъ до слѣдующаго о томъ распоряженія».

Спрощенный при расцѣпованіи Акимъ Карташевъ, между прочимъ, показалъ, что «отцомъ моимъ устроена типографія въ 1805 году на 6 станковъ, а три прибалваны мною въ 1809 году, о томъ, подавалъ ли отецъ мой кому объявленїе, не знаю: я же не подавалъ, но просилъ черниговское губернское правленіе о дозволеніи мнѣ имѣть типографію въ 1806 и 1811 годахъ». «Перепечатывались слѣдующія книги» (дѣлается перечисленіе). «Книги сіи были во время дозволенія типографіи свидѣльствованы суражскимъ земскимъ судомъ»... «У родителя моего до 1799 года были гражданскія буквы, ибо онъ печаталъ съ 1797 года по 1799 съ вѣдома и по условію черниговскаго губернскаго правленія... Но въ 1799 году оныя отъ насъ отобраны, и болѣе таковыя изъ остальныхъ... Далѣе Карташевъ сдѣлалъ объявленїе: «Извѣстенъ онъ, что есть таковая же типографія въ Московѣ или около оной... Что отъ насъ таковая же книжка доставлялась въ Москву на продажу».

Вслѣдствіи волею начальства клинцовскія типографія была переведена въ Москву и передана въ вѣдѣніе единовѣрцевъ.

А. Павловъ.

Второй Римъ.

(Мартини церковной исторіи Византіи IX—X вѣковъ).

Предисловіе.

Задача настоящей хроникѣ—позобразить агонію Византіи и постепенное паденіе византійской церкви въ послѣдинокорберскій періодъ. Опасный союзъ между церковью и государствомъ, сдѣланный императоромъ «священниками» и «экономами» церкви, моральное разложеніе князей церкви; вѣтвистая эвангелизація—опервленіе быта при упадкѣ, дѣйствительно, евангельскаго началъ, одолѣніе церкви духомъ компромисса,—вотъ тѣ стороны жизни, которыя хотѣлось бы намъ освѣтить поближе и явше.

Одновременно съ этимъ мы хотѣли бы съ благодарной любовью остановиться на послѣднихъ вѣстоискахъ истинной восточной церковности: послѣднихъ мученикахъ иконоборчества (Феофанъ, Феодоръ и др.), патриархъ Игнатій, мистикалъ-подвижникъ Авола и т. д., какъ на згнѣтѣхъ разрушающейся «спозднѣе» византійщинѣ и обломкѣхъ церковности «золотыхъ вѣковъ».

Черезъ посредство свв. Кирилла и Мессодія и русскихъ «защитцевъ» въ городъ Константинова наша хроника прокладываетъ мостъ къ новой ачейхѣ церкви—церкви славянскій. Русскими должны быть и весьма немалозначительные вымыслы доверны хроникѣ. Намъ прологъ начнется за двадцать лѣтъ до начала повѣсти: онъ вызванъ единственно желаніемъ ознакомить съ великаномъ IX вѣка Феодоромъ Студитомъ, который лучше всѣхъ другихъ понималъ нужды Ви-

зантіи и умѣлъ ярко описать ихъ. Всѣ его рѣчи передаются почти буквально словами его «писемъ».

Вмѣсто пролога.

I.

Великій „раздорникъ“.

— Благослови, авва.
— Богъ благословитъ.
— Какъ твоѣ здоровье, во милости Господней? Кажется, сегодня ты при помощи Царицы Небесной начинаешь день бодрѣе, чѣмъ вчера? Дасть Богъ, встанешь снова. И пора. Чуеться: новая буря грозитъ церкви отъ ея ругателей...
— Хвала Господу. Встать—не встану. Я знаю, что скоро иду въ путь безвозвратный, куда отошли всѣ быніи отъ вѣка, но теперь мнѣ болѣе негодова. Пряду говорить. Много нужно написать, многогъ отъбить. Если малополазма была моя жизнь, можетъ-быть, сдѣлаю, что послѣднїмъ моимъ словомъ... Пришли писецы, Михаилъ:
— Отдохнуть бы, авва.
— Отдыхать буду тамъ, тамъ будетъ время для отдыха, а здѣсь время труда... Еще нѣсколько дней и тогда даже гимны блаженнаго Романа не пробудутъ меня отъ сна... Иди...
Всѣгда велелъ въ большомъ монастырскомъ духѣ обити св. Троицы, на полуостровѣ св. Трифона, близъ Никомидіи. Шель ноябрь 826 года.

Старецъ, уже согбенный годами, по съ горящими молодыми глазами, авва Феодоръ, бывшій глава Студійскаго монастыря. Его собесѣдникъ—инокъ Михаилъ, ученикъ и будущій жизнеописатель Феодора. Феодоръ въ послѣдніе дни чувствуетъ себя слабымъ и болнымъ: полная тревога и страданій жизнь, наконецъ, надломилъ его силы. Нѣсколько дней онъ лежалъ на своемъ деревянномъ ложѣ, не имѣя силъ подняться даже для молитвы. Но необходимость повести итоги своей дѣятельности, дать послѣднее слово ободренія братіи и въ послѣдній разъ попытаться что-нибудь сдѣлать на пользу того дѣла, которому онъ отдалъ жизнь,—снова короткой всплывшій подтолкнулъ его силы.

И онъ торопится: скорѣе, скорѣе за перо.
Дверь отворилась и вошли лица; умиравшій Феодоръ не могъ уже говорить явственно и потому даже свои наставленія братіи передавалъ черезъ скоронипца. Авва протянулъ Михаилу свитокъ съ красной восковой печатью.

— Прочти, Михаилъ, что пишетъ намъ бывшая августа Марія. Давно я ничего не получалъ отъ нея... Это Марія армянка—вдова автократора Константина,—пояснилъ авва. Михаилъ почтительно взялъ письмо и, подѣлковавши печать, развернулъ свитокъ.

— Пишетъ она, авва, что августѣйшая десноика зоветъ ее, Марію, свою мать, въ дворецъ изъ ея изгнанія и просить твоего совѣта...

Старецъ печально усмѣхнулся.

— Вотъ, какъ крѣпки, опазывается, золотная тетета дворцовъ. Августѣ-Марія, кажись, сама отвѣдала, какъ лукавы золотыя стѣны автократорскихъ палатъ.

Самъ мужъ сдѣлалъ ее рабой ея же кубкуларіи, потому облекъ ее въ черныя ризы и удалил въ изгнаніе; а ея слугу, блудливіцу Феодору, облекъ въ порфиру. И намъ, рабамъ ея, стоило бичеваній и изгнаній защита святого брака отъ новаго Ирода. А тамъ, позже, мужъ ея карой Божіей и честолюбивъ матери своей Ирны погибъ съ очами, до мозга прозвоннымъ свѣтлыицами своей опочивальни, еще позже и блистательная Ирна на лесобѣ добывала себѣ хлѣбъ, пряше подъ бичомъ хозяйка, голодая тѣ дни, когда по немощи не могла сдѣлать своего урока. И все-таки изъ тишины

обитая Марию тянетъ къ той же золотой нуды, въ домъ, надъ которымъ виситъ мечъ Господень.

— Папшнн (Феодоръ обратился къ синоводу): .. «Лучше, если твое благочестіе останется дома, дома въ тишинѣ твоей, когда августа запираетъ дворецъ, въ которомъ евангельскій мечъ явно производитъ разсѣченіе». Или пооди, въсколько строкъ напишу я и самъ.

Онъ наклонился надъ пергаментомъ и набросилъ двѣ— три строки, по рукамъ не повиновалась и онъ бросилъ стилъ.

— Я послѣ... что есть еще?..—спросилъ ава у ученика.

— Самъ автократоръ прислалъ тебѣ письмо вчера, но мы не могли тревожить тебя, ава, и онъ оставилъ его отцу-эконому... Вотъ оно.

Феодоръ взялъ свитокъ и на этотъ разъ распечатать его самъ и пробѣжалъ глазами.

— Все то же. Далека еще отъ покоя святая Церковь. Намъ не приходится ждать бичей отъ косноязычнаго, но не ждать отъ него и мира. Это не огонь, а дымъ пока, но лучше ли въды дымъ явного огня? Автократоръ *) второй разъ приглашаетъ покрыть забвеніемъ прошлое и молчаніемъ прекратить первонное раздѣленіе изъ-за святыхъ иконъ. И слушайте, что пишетъ императору, это, по его словамъ, онъ писалъ и Людовику французскому.

«Иконы,—говоритъ автократоръ,—и почитаніе ихъ много-много суевѣріе и лѣсть. Почитатели иконы изгнали изъ церкви св. крестъ и вмѣсто него повѣсили иконы и предъ ними лампады; предъ ними они воскуряютъ ладанъ и вообще оказываютъ имъ такое же уваженіе, какъ и кресту, на которомъ распялся Христосъ. Они поютъ предъ ними исцалы, поклоняются имъ и ожидаютъ именно отъ иконъ себѣ помощи. Многие облачаютъ ихъ званіями покровами и дѣлаютъ ихъ кузовыми при крещеніи дѣтей. Другіе, принимающе на себя монашество, оставили прежній обычай, чтобы кто-либо изъ избѣстныхъ лишь при постриженіи ихъ получалъ волосы въ свои руки, а кладутъ волосы на образъ. Нѣкоторые презвитеры и клирики соскабливаютъ даже краски съ образовъ, прибиваютъ ихъ къ евангелію. И еще другіе кладутъ евангелію на образъ и отсюда уже причащаются. Иные совершаютъ евангелію не въ церквяхъ, а въ частныхъ домахъ и на образахъ, которые служатъ вмѣсто престола».

— Безуміе и клевета. Никогда мы не гнали Креста Господня, чтиль его и любозаема... Воистину они гонятъ Крестъ святой, потому что если въ главѣ Креста не видно изображенія тѣлеснаго вида Его, по одно отвергается, а другое пріемается, то презрѣтъ Царь, умертвитель дѣла, и изгнать изъ церкви Христосъ, явившійся во плоти. Да и нѣкоторые поручили дѣтей святымъ угодникамъ, не иконѣ, а имъ самимъ, по какъ бытъ, когда нельзя найти больше вѣрнаго христіанина, чтобы ему поручить чадо свое? Суевѣрію не чуждо почитаніе святыхъ иконъ—то правда, но не было ли ересей изъ-за догмы Св. Троицы—заблужденій о Божествѣ достопоклоняемаго Сына, а значить не выкинуть ли намъ изъ исповѣданія нашего и эти святые догматы?

Безуміе, безуміе...

«Будемъ лучше молчать, да не будетъ раздѣленія»,—говоритъ автократоръ.—Я не стану отбѣгать автократору, но молчать не буду, пока не умолкнетъ языкъ мой... Не отдамъ на поруганіе образа Сына Божія и Матери Его.

— Ава,—перевалъ разговоръ воемдшій молодой инокъ,—къ тебѣ пришелъ братъ Игнатій.

— Пустъ войдетъ... Пустъ...

Войдѣлъ совсѣмъ еще молодой инокъ съ печальною аскетич-

еской подвижнической жизни, съ лицомъ мученика и пророка: это былъ сынъ императора Михаила Рангава, который уже 13 лѣтъ въ изгнаніи на островѣ Проти.

— Ты во время пришелъ, Игнатій,—еме седмицу и ты не засталъ бы меня,—обратился къ нему Феодоръ.—Я читалъ письмо автократора Михаила. Ты правъ, когда упрекалъ меня за то письмо, какое я написалъ при его вступленіи на тронъ—носитъ убѣненіе армянина Льва. Ты помнишь его такъ?

— Мнѣ скоро было читать его тогда, ава. Это такъ не похоже на тебя.

— Да, огненными чертами написалось въ утѣ моемъ это письмо, за которое да простить меня Богъ. Сыну тьмы ночью надлежало встрѣтить смерть. Опустошавшему Божественные храмы надлежало въ храмѣ видѣть обожженныя противъ него мечи; разрушавшему жертвенникъ надлежало не спастись, прибѣгнвъ къ жертвеннику; надлежало совершиться отсѣченію руки, простиравшейся на святыню, быть пронзенному мечемъ гортаги, изрыгавшей безбожно, крестити нечестивой крови за пролитіе праведной... Радоваться слѣдуетъ выше подобесной... Да вознесется небеса и радуется земля...

Феодоръ говорилъ медленно, точно читалъ, приговоря слова своего письма съ ужасомъ, какъ будто онъ жгилъ его...

— Это писалъ я. Да, надежда, что восторжествуетъ дѣло правды, обѣщала мнѣ... Я смѣлъ думать, что смертью нечестиваго готовилъ Господь торжество истини. Меня ввелъ въ искушеніе дѣлать. Итъ, не Господь руководилъ рукою тѣхъ, кто въ день св. Рождества Его оксвершилъ храмъ хотя и кровью антихристового сына. Я полялъ это, когда былъ два года назадъ въ дворцовой церкви императора. Когда видѣлъ святой жертвенникъ, за который ухватился несчастный Левъ, мнѣ почувались на святыхъ капли крови.

Потомъ увидѣлъ я согнутый крестъ, за которымъ онъ искалъ защиты, и жѣсто, гдѣ вмѣстѣ съ крестомъ узнала его рука. Запомни, Игнатій, тебѣ жѣсть власть и сила: Византия захлебнется въ крови, если не уразумѣетъ, что никто не смѣетъ брать смертью за оскорбленіе Господа, кроетъ Того, Кто даетъ жизнь и можетъ воскрешать и мертвыхъ. Слава Господу за то, что вотъ уже почти сто лѣтъ гонимы мы, служители святой Церкви, хотя и молюсь, да отпиметъ Господь карающую руку. Тяжкія времена переживали мы. Не говорю о тюрьмахъ, бичахъ, изгнаніяхъ, расчлененіи жезлѣтъ, каплѣхъ насъ заставляли подписывать отреченіе отъ святого Лнка Господня.

Самого меня бичевали такъ, что многія шѣлки посѣтъ ученикъ мой ножемъ отрѣзали куски отгнивающей плоти, а я потерѣлъ менѣе многихъ другихъ. Сколько погибло въ монастыряхъ, тюрьмахъ отъ голода и холода. И не сосчитать. И самое худое: оксудили пастыри вѣрныя. Церковь была пустыней, погибали Христосъ корабли. Мнѣ, незстойному рабу, приходилось давать правила покаянія пріема отпавшихъ и епитимьи, потому что не было лицъ, которыя іерархически имѣли право дать ихъ. Епископы отъ востока до запада предавали истину, «жерни отвергшася закона Моего и оксвержили святыню Моею между святымъ и свѣрвными не разлучаху». Но даже это великое расхищеніе Церкви не такъ пугало меня и вѣрныхъ, какъ великая опасность, что сама Церковь, слѣдуя за еретиками, станетъ утверждать правду свою силой и кровью. Избави насъ Господь отъ самой мысли—на насильнѣ творить свободное царство Освободителя. Не только казнить, но даже желать зло еретикамъ не позволялось намъ.

Не забудете сего, братья мои... Не забудете. Послушайте Господа, Который, по словамъ премудраго Дюнисія, сказалъ святому Карлу, молвившему, чтобы еретики были лишены жизни: «Написи Мнѣ удры. Я готовъ страдать за спасеніе людей, но смотри—хорошо ли будетъ для тебя пробѣгать

*) Императоръ Михаилъ 7. я. Косноязычній (820—829). Онъ занялъ престолъ посѣтъ убитаго нѣтъ въ день Рождества, во время рождественскаго бѣжнія, Льва Армянина.

на жизнь въ пропасти со змїями пребываніе съ Богомъ и добрыми и человеколюбивыми ангелами. Не намъ быть неогласными съ истиной: на нихъ руки Господни. Нужно, напротивъ, молиться о нихъ, какъ возмалъ Христосъ во время страданій. Не ссылайтесь на Фисеса и Паю, Исусъ не одобрилъ учениковъ, чуждыхъ краткаго и благого духа. Говорятъ, Іоаннъ Постникъ, предстоятель константинопольской церкви, вселѣтъ привоздитъ къ кресту волшебниковъ. Не могу сему повѣрить, но волшебникъ все же не то, что еретикъ: овъ поддежить суду мірскому, а не нашему. Начальствующіе надъ тѣлами имѣютъ право наказывать виновныхъ въ преступленіяхъ, касающихся тѣла, а не виновныхъ въ дѣлахъ душевныхъ—это принадлежить управляющимъ душами, которыхъ наказанія суть *отлученія и спитими*. И ничто боѣе. Ничто, братія.

«Черковъ не мстигъ мечемъ»,—сказали мы патриарху, а императорамъ, совершившимъ убійство еретиковъ, мы сказали: «*неугодно сіе Богу*». А другому, требовавшему одобренія на убійство, ответили: «*Пусть сникнутъ мою голову, если соглашусь на это*... Кто думать иначе, иѣтъшье иное Евангеліе, не то, какъ читаемъ мы.

Кровь... кровь... Осѣбла Византия. Оглохла страна Божія. И осѣбла ее, сдѣлала глухой кровь, которая лется въ дворцахъ и въ селахъ, и еще боѣе это новая экономія, какую выдумалъ дьяволъ.

Экономія—какое святое слово. Ради экономіи Богъ-Отецъ предалъ Сына Своего на распятіе. Это было домоводство спасенія нашего.

А теперь? Ради экономіи цезаря, которые не желаютъ, чтобы ихъ считали иконоборцами, просятъ убрать иконы, что «*поміже*». Ради экономіи одобряютъ, какъ прекрасный, догматъ объ иконахъ, но просятъ *беречься его только «внѣ сорода»*.

Ради экономіи, т.-е. примиренія, запрещаютъ говорить о двухъ естествахъ и волахъ во Христѣ. Экономіей называли даже благословеніе любодѣйнаго брака Константина. И хуже всего—за это дѣло новой экономіи стояли тѣ, которымъ нужно быть не экономіями-торговцами правдой Божіей, а строителями Господней экономіи—спасенія нашего.

Да проститъ мнѣ Господь, но духъ соглашенія и примиренія, который отъ сатаны, грозитъ гибелью и опустѣніемъ странъ нашей. Даже святѣйшій Тарасій ради мира покрывалъ молчаніемъ прелюбодѣйную ересь. Блаженный Никифоръ допустилъ возобновленіе прелюбодѣя Іосифа. И это еще люди великіе и святые, не изъ тѣхъ, что готовы за красную похобку продать Черковъ. А какъ много и есть и будетъ иныхъ, которые насутъ паству для гнуснаго прибытка, и самъ считаютъ средствомъ къ собранію богатства, чтобы гордо предстѣдательствовать выше достопочтенныхъ людей. Куда ихъ приведетъ ихъ роль экономіи при автократорскомъ дворцѣ? Торговать будутъ святыней Церкви и съ своими—съ влзостью мірской и съ чужими, чтобы цѣною истины купить міръ съ ложью. Святыни ищутъ опоры у автократоръ и тѣ возомнили себя не слугами, а священниками Церкви, обдѣваются въ ризы священниковъ и творятъ дѣла священниковъ. Они дѣлаютъ Черковъ своей рабой и своими законами вытѣряютъ безсмертій канонъ.

Братія, бойтесь злой экономіи, ради которой обрубается истина. Ни пади не отступайте изъ истины, хотя бы за ложь были въ автократоры и святители міра. Мы не были экономіями. Въ мнѣ святѣе, чтобы купить покой себѣ или даже Церкви (какъ будто не Богъ ея защита), половину истины не называли цѣною истиной.

Насъ называли отщепенцами, раздорниками. Обвиняли въ томъ, что мы отторгаемся отъ святителей и союза первовнаго. «*Вы отщепенцы отъ червья*»,—говоря даже его

блаженство авва патриархъ Никифоръ, когда я не захотѣлъ имѣть съ нимъ общенія изъ-за прелюбодѣя Іосифа, а предпочелъ остаться одинъ съ братіей безъ патриарха, немелъ сообщиться съ ругателями канона. «*Вы отщепенцы*»,—сказалъ намъ и Римъ.—Отщепенцы потому, что, не иѣтъ епископства, сопротивляетесь приговору епископовъ и собора». «*Пѣтъ*»,—отвѣчалъ я и братія,—мы не отщепенцы, да не случится этого съ нами никогда, мы православные питомцы кавалочской Церкви, отвергающие всякую ересь и принимающие всѣ признанные соборы и каноны ихъ. Мы отдѣлились отъ Церкви? Если вы и соборъ, отвергнувшій канонъ—Черковъ,—мы отдѣлились; но пѣтъ: *не вы Черковъ и отщепенцы не мы*. Многие пастыри безумствовали, составляли великіе и многочисленныя соборы и, повидному, заботились о правилахъ, а на самомъ дѣлѣ, дѣйствуя противъ правилъ. Но лучше единъ праведникъ, хотя бы не епископъ, тысячи грѣшникъ, хотя и епископовъ. Соборъ—не собраніе епископовъ и священниковъ, хотя бы ихъ было много, а собраніе во имя Господне для соблюденія правилъ. И епископамъ не дана власть преступать правила и міранамъ велію ходити отъ собора и епископовъ, если они измѣняютъ истинѣ. Ті міранамъ и священникамъ данъ разумъ познанія и не смѣютъ они поганять Духа Святаго и мѣланую монету считать золотой, явній ядъ—за годную пишу, если имъ предлагаютъ ядъ и мѣдъ отъ большинства хотя бы епископовъ.

Намъ говорили: «*Вы отдѣляетесь не изъ-за ереси, не изъ-за догмы, а изъ-за малаго вопрошенія*».

Лестъ сіе, искусіе предстѣ. Что ересь? Измѣненіе догмы?... Да, отверженіе всаго повѣстїи Господня, дерзкое и разрушающее основы Церкви Божіей. Приняли прелюбодѣя и назвали любодѣйный бракъ экономіей—*это ересь и страшная ересь*, потому что она Бога зоветъ измѣлениемъ и заподѣи Его не вѣчными.

Догма? Еще книга Дѣвїи научила насъ считать догматами то, «*что суждено отъ апостоловъ и старецъ*». Иѣтъ малаго въ Церкви, братіе, все великое. Апавѣтъ предали насъ за вѣрность истинѣ, но Господь намъ Судія... Одно скажу: навѣрно, въ маломъ предадутъ и великое. И вы, братіе, не съ людьми будьте, а съ истиной. Черковъ тамъ, гдѣ хотя бы въ единомъ чловѣкѣ соблюдался Христовъ правда...

Старець началъ ослабѣвать, даже писанъ стало его плохо слышно.

—*Постояте. Послѣ...*—прошепталъ исповѣдникъ, нахая ослабѣвшей рукой.

Епископъ Михаилъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отвѣты редакціи.

Вопросъ (свѣд. І. І. Иванова): Въ 4 правилѣ 3-го вселенскаго собора Келестинъ, наравнѣ съ Несторіемъ, именуется еретикомъ; такъ и въ-толкованіи первыхъ пяти правилъ этого собора. А въ книгѣ Кирилловой говорится, что Келестинъ былъ поборникомъ по благодости. Какъ разобратъ въ этомъ?

Отвѣтъ: Разъясненіе этого вопроса даетъ толкователь священныхъ правилъ Ф. Вальсамонъ. Овъ говоритъ: «По изверженіи Несторія прибылъ въ Ефесъ антиохійскій патриархъ Іованнъ съ Сеодоритомъ, епископомъ города Кира, и Идою, епископомъ Эдессы, и друг. И какъ изверженіе совершилось въ ихъ отсутствіе, то они выразили порицаніе происшедшему, и

без основаній изверженіи предъдательствовавшего на соборъ святаго Кирилла, папу александрійскаго, который занималъ и мѣсто *Целестина*, папы римскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и Мемнона, епископа ефесскаго... Отцы третьяго собора, узнавши, что сдѣлано было антиохійскимъ патріархомъ Іоанномъ и прочими противъ святаго Кирилла и единомысленныхъ съ нимъ, сихъ послѣднихъ, какъ безвинно изверженныхъ, восстановили; а Іоанна и единомысленныхъ съ нимъ тридцать епископовъ объявили лишенными всякаго церковнаго общенія, какъ принашившіе нечестное ученіе *Нестора* и *Целестія*. Итакъ, правильно опредѣляеть, что послужу нѣкоторыхъ изъ епископовъ, отсутствовавшихъ по уважительнымъ причинамъ, не должно было оставаться въ невѣдѣніи о совершившемся, всѣ должны знать, что если какой епископъ присталъ, или пристаетъ къ отступническому сомнѣнію, то-есть къ сторонѣ Іоанна Антиохійскаго и *Целестія*, таковой будетъ изверженъ, и нигдѣ не долженъ совершать ничего священническаго; но всѣ окрестные митрополиты и епископы будутъ считать его отверженнымъ, какъ уже лишеннаго епископской степени. Таково содержаніе этого правила, — заканчивается все толкованіе Вальсамова. И затѣмъ прихвѣстаетъ: «А ты если встрѣишь въ нѣкоторыхъ спискахъ *ошибку писца* относительно *Целестія* (ибо въѣсто *Целестія* упоминаю о *Целестіи*), не принимай написанное такимъ образомъ за вѣрное; ибо *Целестій, папа римскій*, былъ православный, какъ выше сказано, а *Целестій—единомысленникъ Нестора*, то-есть *еретикъ*» (см. Корчужю полныхъ переводовъ). Итакъ, согласно этого изъясненія толкователя священныхъ правилъ Вальсамова, въ указываемомъ вами случаѣ, по ошибкѣ писцовъ, православный папа *Целестій* (или *Келестій*) смѣшивается съ *Целестіемъ* (*Келестіемъ*) еретикомъ, который былъ единомысленникомъ *Нестора*. Относительно сего *Целестія* историки говорятъ слѣдующее: «Въ Римѣ *Пелагій* (еретикъ) познакомился съ *Целестіемъ*, который на основаніи одного выраженія блаж. Іеронима, считается скоттомъ, то-есть, уродженцемъ Ирландіи. *Целестій* былъ семейный человѣкъ, занимался адвокатурою и оставилъ свое занятіе ради аскетической жизни. Заимствовалъ ли онъ свое мнѣніе отъ *Пелагія*, или отъ какого-нибудь другаго учителя еще раньше своего знакомства съ *Целестіемъ*, — неизвѣстно... Послѣ разграбленія Рима (готами), оба эти друга отравились въ Африку, гдѣ *Целестій* пробылъ лишь короткое время, и послѣ этого разуученія они, повидимому, уже никогда не встрѣчались и даже не сносились между собою. *Целестій* старался добиться рукоположенія въ пресвитера въ *Картагенѣ*, но былъ обвиненъ въ ереси *Павлиномъ*, который сначала былъ діаккономъ миланскаго церкви и извѣстенъ, какъ жизнеописатель св. великаго епископа. Дѣло это было разсмотрѣно соборомъ, предъ которымъ *Целестій* былъ обвиняемъ въ ученіи, что *Адамъ* умеръ бы, даже если бы не согрѣшилъ; что его грѣхъ никому не причинилъ вреда, кромѣ его самого; что дѣти рождаются въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ первоначально былъ *Адамъ*; что родъ человѣчскій ни умираетъ въ *Адамѣ*, ни опять возстаетъ въ *Христѣ*; что дѣти, даже и не крещенные, имѣютъ жизнь вѣчную; что законъ такъ же приводилъ въ царство небесное, какъ и *Евангеліе*, и что до прішествія Спасителя были люди безгрѣшныя. Онъ защищался заявленіемъ, что допускаетъ необходимость крещенія дѣтей, что предположенія его вообще, вѣрны или нѣтъ, относились къ области умозрѣнія, въ которой Церковь не дава опредѣленнаго рѣшенія, и что вслѣдствіе этого они не могли быть еретическими. Соборъ однако же осудилъ и отлучилъ его, вслѣдствіе чего онъ обратился съ апелляціей къ епископу римскому. На-эту апелляцію не обращено было никакого вниманія, и *Целестій* безъ всякаго помысла продолжалъ дѣло оставивъ *Картагенъ* и отправился въ *Вѣрью*. (Исторія Христовой Церкви, Д. Робертсона, стр. 387, 388). Въ «*Иѳоники церковныхъ событій*» архимандрита Арсенія къ этому присовокупляется, что *Целестій*, удалившись изъ *Картагена*

на Востокъ, оставилъ послѣ себя сомнѣніе въ истинѣ у нѣкоторыхъ христіанъ («*Иѳоники*», стр. 158, по изд. 1880 года). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній исторіи видно, что оба сказанные еретики, *Пелагій* и *Целестій*, въ 418 г. находятся уже въ Римѣ (см. въ «*Иѳоники*» Арсенія, стр. 162). Здѣсь же въ окрестностяхъ Рима, *Целестій* находится въ 421 году; но затѣмъ по вѣлѣнію царя Гонорія изгоняется отсюда (тамъ же, стр. 166). «*Касательно* кончины *Целестія*, — говоритъ историкъ Д. Робертсонъ, — ничего неизвѣстно съ достовѣрностію» (стр. 394). Въ «*Большомъ Сборникѣ*» о папѣ *Келестіи* и *Келестіи-еретикѣ* находимъ такіа свѣдѣнія: «*Келестій* Кампаніанъ, — читается здѣсь, — (папа римскій)... подвига два нѣтъ съ исторіями, соединенія ипостатическаго искоренительнаго, и самаго такожде *Нестора* чрезъ писаніе увѣщавалъ да отъ ереси престоитъ, и два съ *пелагіанами*, благодати Божіей супостатнаго» (см. лѣто Христово 428, лис. 198). А относительно *Келестія-еретика* говорится: «*Келестіане* (еретики) наречени суть отъ *Келестія*, *Пелагіева* ученика, иже сию (пелагіеву) ересь во Африкѣ разсѣя. Противъ сего написалъ Августинъ знаменную книгу о гоненіи правды» (тамъ же, лѣто Христово 414, лис. 207 об.).

Вопросъ (своего же): Въ книгѣ Кирилловой говорится: «*Ааронъ* во всемъ іерействѣ поставленъ на время, и невозможна іерен его вовѣки пребывать, смерть *Ааронова* имѣла прекратила». Но извѣстно, что и по смерти *Аарона* священство по его чину продолжалось. Какой смыслъ этого сказанія кн. Кирилловой?

Отвѣтъ: Въ указываемомъ вами мѣстѣ книгъ Кирилловой на основаніи ученія св. апостола Павла излагается понятіе о священствѣ ветхозавѣтномъ, по чину *Ааронова*, и новозавѣтномъ, установленномъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Указывая превосходство священства новозавѣтнаго предъ ветхозавѣтнымъ, св. апостолъ Павелъ въ посланіи своемъ къ евреямъ говоритъ, что ветхозавѣтное священство не могло быть вѣчнымъ, потому что *Ааронъ*, по чину котораго было установлено это священство, и всѣ первосвященники изъ рода ихъ были временны и смертны. А въ Новомъ Завѣтѣ священство установлено Первосвященникомъ-Спасителемъ Христомъ, который есть «іерей вовѣкъ по чину *Мельхиседекова*. Святыи Рима *Златоустъ* говоритъ по этому поводу: «(Апостолъ) указываетъ два преимущества (новозавѣтнаго священства): то, что оно не имѣетъ конца, подобно подзаконному, и то, что оно установлено съ клятвою. Все это онъ доказываетъ Лично Христу, приносящаго (это священство): *по силѣ*, говоритъ, *жизни* *онъ не разрушаемаго*, также съ клятвою, потому что Богъ клянется, и самимъ дѣломъ, потому что законъ, говоритъ, отмѣненъ, такъ какъ былъ немощенъ, а этотъ стоитъ, такъ какъ имѣетъ силу. То же онъ дѣлаетъ и со стороны священника. Какимъ образомъ? Доказывая, что Онъ одинъ; а Онъ не былъ бы одинъ, если бы не былъ безсмертенъ: какъ прежнихъ священниковъ было много, потому что они были смертны, такъ Онъ одинъ, потому что Онъ—безсмертенъ... Богъ клялся Ему что Онъ всегда будетъ священникомъ; а Богъ не сдѣлалъ бы этого, если бы Онъ не былъ живъ... Тамъ же, — говоритъ, — и *спаси можетъ*. Онъ спасаетъ потому, что онъ умираетъ, потому что Онъ *всегда живъ* и не имѣетъ пременяка; а если не имѣетъ пременяка, то и можетъ ходатайствовать за всѣхъ. Здѣшніе (т.-е. ветхозавѣтные) первосвященники, какъ бы они ни были славы, были только во то время, пока были, напримеръ, *Самуилъ* и всѣ подобныя, а послѣ того уже нѣтъ, потому что умерли; а Онъ не таковъ, но *спасаетъ до конца*... Какъ спасаетъ? *Всегда живъ съ со же ходатайствуетъ о нихъ*» (Твор., т. XII, стр. 121, 122). Итакъ, въ указываемомъ вами мѣстѣ книгъ Кирилловой нужно видѣть не то, что со смертью *Аарона* прекратилось и священство, установленное по его чину, но только что это священство не могло быть вѣчнымъ вслѣдствіе смертности того, по чину кого оно установлено. Что же касает-

ся священства новозавѣтнаго, то оно пребудетъ вѣчно, потому что установлено по чину Первосвященника, вѣчно пребывающаго, *иже всегда живъ есть, во еже ходатайствовати о насъ*; и установлено съ клятвою: «Ты еси церейъ вѣрнѣи по чину Мельхиседекову». Почему и въ книгѣ Кириллова говорится: «Яко же Христосъ не умираетъ, тако и священство Его по чину Мельхиседекову до вѣка не престанетъ» (Кн. Кириллова, мис. 77).

Относительно вашего вопроса о 37 главѣ книгъ Коричей замѣтимъ, что обстоятельное разъясненіе ся ищется въ книгѣ епископа Иннокентія: «О муромоазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ отъ ереси второго чина», стр. 49, 50. И въ книгѣ блаженной памяти епископа Арсенія: «Истинность», (стр. 159—160).

И. Н. Чернову: Оба ваши вопроса достаточно выяснены въ книгѣ епископа Иннокентія: «Церковь Христова временно безъ епископа». Прочтя эту книгу, мы убѣдимся, вы не будете болѣе имѣть попытки къ возбужденію предлагаемыхъ вами вопросовъ.

Л. О. Плякову: Вы прислали столько вопросовъ, что отвѣтить на каждый изъ нихъ значило бы посвятить одному вамъ нѣсколько №№ журналовъ. Преслѣдуя цѣль—по возможности удовлетворить всѣхъ своихъ подписчиковъ, обращающихся съ вопросами, мы не можемъ уделитьъ вамъ столько вниманія и поэтому отвѣчаемъ только на два первыхъ вашихъ вопроса. 1) Въ книгѣ Коричей изданія патріарха Іосифа 7158 гѣта (1650 года) нѣтъ статьи о происхожденіи патриаршества въ Россіи. И если въ видной вамъ Коричей находится эта статья, то она не іосифовскаго изданія, а никоновскаго. Вы указываете на то, что въ этой видной вамъ Коричей нѣтъ грамоты «св. царя Константина импѣ Сильвестру», а равно не упомянуто нигдѣ о Никонѣ. Но это можно объяснить единственно только тѣмъ, что имя Никола здесь «искусно» какимъ-нибудь обманщикомъ передѣлано въ имя Іосифа-патріарха, а грамота «св. царя Константина» вырвана. Обратите вниманіе вотъ на что: 1) Есть ли въ этой Коричей «предисловіе къ православному читателю» и 2) въ самомъ концѣ статьи о происхожденіи патриаршества въ Россіи при упоминаніи имени патріарха Іосифа какой указалъ годъ. Если сказано предисловія нѣтъ, а въ концѣ статьи о происхожденіи патриаршества при имени патріарха Іосифа указанъ годъ позднѣйшій 7160 гѣта, то это, повторяемъ, будетъ Коричей не іосифовскаго изданія, а никоновскаго. 2) По вопросу о греческой церкви. времени ея паденія можемъ рекомендовать книгу діакона (нынѣ священника) Ѳ. Гуслякова: «Паденіе греко-восточной церкви».

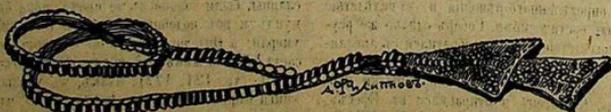
Л. Кукуанову: Коричая книга, о которой вы спрашиваете, называется Коричей полныхъ переводовъ потому, что въ ней приведены правила свв. апостоловъ, свв. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и свв. отецъ, съ толкованіями знаменитыхъ греческихъ канонистовъ: І. Зонары, А. Арстина и Ѳ. Вальсамона, въ полномъ ихъ изложеніи съ греческаго подлинника. Дѣло можно купитъ въ данное время эту книгу, сказать не можемъ. Въ извѣстныхъ намъ книгопродавцахъ въ продажѣ ея не ищется. Можно развѣ случайно приобрести у букинистовъ. Если васъ интересуетъ въ ней лишь вопросъ о

принятіи чрезъ муромоазаніе священнослужителей, присоединяемыхъ отъ ереси 2-го чина, въ сущности сказать, то мы можемъ по этому вопросу рекомендовать специальное изслѣдованіе по этому вопросу, книгу епископа Иннокентія: «О муромоазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ отъ ереси второго чина». Имя книги небольшая, всего 50 копеекъ. Приобрѣсти можно изъ книгоиздательства старообрядческаго братства Св. Креста. 2) Второй вашъ вопросъ нѣсколько странный. Вы пишете, что былоповцы указываютъ, что Церковь должна быть съ трехчинной іерархіей и общиннѣи намъ св. Христову Церковь, что въ ней нѣтъ діакона. Былоповцамъ ли говорить объ этомъ, когда у нихъ самихъ нѣтъ не только ни одного діакона, но и болѣе важнаго чина—епископа? Да и несправедливо говорятъ указываемые вами былоповцы, что у насъ нѣтъ діакона. Этотъ церковный чинъ у насъ ищется. Напримѣръ, только въ одной Москвѣ мы имѣемъ болѣе 10 діаконствъ. Пора бы, кажется, былоповцамъ оставить всѣ такія свои пустыя придирки къ нашей св. Христовой Церкви и войти въ ея спасительное единство.

И. Семину: Если кто болѣе всѣхъ имѣетъ чужду въ церковныхъ молитвахъ, такъ это именно грѣшники. И св. Церковь не только не воспрещаетъ возносить молитвы о таковыхъ, но и побуждаетъ къ этому. Въ виду этого можемъ совершать молитвы и объ указываемыхъ вами молитвѣ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Воту пріятно; и Онь желаетъ того, чтобы молились за всѣхъ, такъ какъ отъ всѣхъ *человѣкъ хочетъ спасенія* и въ разумъ истинны пріити» (Твор., т. XI, стр. 666). Въ одной изъ первоныхъ пѣсенъ говорится: «Всѣмъ бо согрѣшникомъ, но Тебѣ (Господи) не отступникомъ». Только богоотступничество, ереси и расколы подвергаютъ церковному отлученію, и о принадлежавшихъ къ нимъ св. Церковь не повѣщаетъ возносить по ихъ смерти молитвы. Но грѣшники, повторяемъ, не лишаются молитвъ Церкви.

Т. Г. Печникову: 1) Въ указываемомъ вами хрѣстѣ (1 посланіе къ Тимолею, зач. 284, гл. IV, стр. 1) св. апостолъ Павелъ, какъ изъясняютъ свв. отцы, писалъ противъ маркионитовъ, эвританитовъ, манихеевъ и обо всѣхъ ихъ такого рода сборщикахъ. Ибо, внимая снмъ (т.-е. духовно-лестивымъ и учениямъ бѣсовскимъ), они оуждали ниньяства и бракъ (см. Толкованія на Новый Завѣтъ, блаж. Феофилакта, архіеп. болгарскаго, стр. 831, по изд. 1911 г.). На кого сіе посланіе дежитъ въ наше время?—спрашиваете вы. Отвѣчаемъ: на всѣхъ тѣхъ, кто содержитъ или проповѣдуетъ такое ученіе, которое осуждаетъ свв. апостоловъ. 2) Относительно указываемаго вами священника скажемъ слѣдующее. Если онъ не находится въ единствѣ съ св. Христовой Церковью, а пребываетъ съ нею въ раздорѣ, то отъ него не должно получать благословенія и не должно просить его молитвъ. «Молящихся съ отлученными, самъ такожде да отлученъ будетъ»,—гласитъ 10-е правило свв. апостоловъ.

Свящ. І. А. Пичаеву: Относительно Захарія Коштынскаго и о достоинствѣ его писаній прочтите въ № 2 за текущій годъ отвѣтъ М. Ѳ. Ляпичеву. Въ частности по возбуждаемому вами вопросу можемъ указать на книгу блаженной памяти епископа Арсенія (уральскаго): «Оправданіе старообрядствующей Христовой Церкви» (стр. 124—129), гдѣ этотъ вопросъ выясненъ достаточно обстоятельно.

Церковно-общественная жизнь.

Вечер духовных пѣснопѣй.

Въ большомъ залѣ московскаго синодальнаго училища состоялся 27-го января вечеръ духовныхъ пѣснопѣй, устроенный старообрядческимъ братствомъ Честнаго Креста. Довольно обширный залъ синодальнаго училища впер-

Руководитель хора московск. Братства Честнаго Креста Я. А. Богатенко.

вые увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ такое обиліе старообрядческихъ лицъ. Тутъ, вѣроятно, никогда ничего не было старообрядческаго. Какъ-то удивленно поглядывали на старообрядческую публику московскіе митрополиты господствующей церкви, очень удобно и гордыливо возсѣдающіе на большіихъ трютахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ синодальнаго училища. Смущенно выглядывали изъ своихъ рамокъ и синодальные оберъ-прокуроры. Одинъ только Побѣдоносцевъ какъ будто негодовалъ, зачѣмъ попали сюда старообрядцы. А старообрядцы тѣмъ временемъ свободно расхаживали по всѣмъ заламъ синодальнаго училища, совсѣмъ не чувствуя, что они находятся въ учрежденіи, принадлежащемъ вѣдомству господствующаго исповѣданія. Искрѣдка кто изъ нихъ обратилъ вниманіе на висѣлице передъ ними портреты, точно говоря нарисованнымъ на нихъ лицамъ: «а, вы еще здѣсь»... Послушать старообрядческой пѣснопѣи собрался не одинъ старообрядецъ, въ большомъ количествѣ пришли сюда и члены господствующей церкви.

Пѣлъ слѣдшій хоръ братства Честнаго Креста. Онъ не впервые выступаетъ публично. Впервые ему пришлось пѣть передъ публикой церковно-богослужебныя пѣснопѣи. Въ прошлые годы онъ выступалъ съ пѣніемъ только духовныхъ стиховъ, псалмъ и кантъ. Теперь же программа его пѣснопѣй пополнилась и богослужебнымъ пѣніемъ. Оно составляло первое отдѣленіе настоящаго вечера. Началось первое отдѣленіе съ пѣнія «Царю Небесный». Интересно отмѣтить, что вся публика встала, какъ только хоръ, освѣтивъ себя крестнымъ знаменіемъ, запѣлъ эту молитву Св. Духу.

Затѣмъ были пропѣты: тропарь 8-го гласа, въ Великій четвертокъ Страстной недѣли: «Егда славилъ ученицы», стихира Рождеству Христову: «Слава въ вышнихъ Богу», стихира усѣкновенію главы Іоанна Крестителя: «Пался ученица веселукаваго діавола», прокименъ: «Не отарати лица твоего», стихира: «Прехвальныи ученицы». Последняя была пропѣта канонархомъ и, по требованію публики, повторена. Хоръ пѣлъ безъ пѣнги, напамять, но увѣрено. Наиболее красиво была пропѣта стихира «Пался ученица веселукаваго діавола». Видно, руководитъ хора, Я. А. Богатенко, много потрудился надъ своимъ совсѣмъ молодымъ еще хоромъ, онъ далъ ему чудную технику.

Два другіихъ отдѣленія вечера занимали духовные стихи, псалмы и канты. Здѣсь хоръ чувствовалъ себя еще увѣреннѣе и сильнѣе. Большинство псалмъ было сѣто новыхъ, т.-е. такихъ, которыхъ въ прошломъ году хоръ не пѣлъ при своихъ публичныхъ выступленіяхъ. Публика отнеслась къ исполненіямъ хора весьма сочувственно и шумно выражала ему свое сочувствіе. Вечеръ прошелъ очень оживленно и при полнѣтомъ настроеніи собравшихся. 17-го марта въ этомъ же помѣщеніи состоится слѣдующій вечеръ духовныхъ пѣснопѣй, устраиваемый братствомъ Честнаго Креста.

Община собранія:

Въ воскресенье, 27-го сего января, состоялось общее собраніе московской старообрядческой Каринкинской общины подъ предѣлательствомъ И. П. Трегубова. Собранію былъ представленъ отчетъ за время отъ 19-го февраля 1912 года по 1-е января 1913 года, изъ котораго видно, что разныхъ поступленій въ общину было всего на сумму 10,261 р. 27 к., а израсходовано 10,081 р. 94 к. Осталось наличныхъ денегъ у кассачки на 1-е января сего года 179 руб. 33 коп. Кроме того, община имѣетъ на текущемъ счетѣ въ московскомъ банкѣ 2,527 руб. 51 коп.

Отчетъ былъ утвержденъ большинствомъ голосовъ. Затѣмъ совѣтъ доложилъ собранію о пожертвованіи Ф. Е. Морозовой 30,000 руб., проценты съ которыхъ должны итти на содержаніе причта и храма общины. Собраніе выразило глубокую благодарность Ф. Е. Морозовой за пожертвованіе. Послѣ этого собраніемъ былъ рассмотрѣнъ и обсужденъ рядъ вопросовъ, касающихся внутренняго распорядка общины, по выясненію которыхъ предѣлелемъ было закрыто общее собраніе.

Января 27-го состоялось общее собраніе членовъ Таганской общины. Предѣлелемъ собранія избранъ былъ И. Е. Лежневъ. Заслуживъ кассовый отчетъ съ 1-го января 1912 года по 1-е января 1913 г. Расходъ выразился за годъ въ

суммъ 3,762 р. 61 к.; приходъ съ остаткомъ на 1-е января 1912 г. (1,009 р. 30 к.) въ суммѣ 4,417 р. 34 к. Остатокъ кассы на 1-е января 1913 г. 654 р. 73 к. и свѣдѣніе о томъ къ этому же числу на 281 р. 60 к. Собрание единогласно утвердило представленный отчетъ. Смета на слѣдующій годъ составлена въ суммѣ прихода 2,250 р. и въ такой же суммѣ расхода. Смета была утверждена также единогласно.

На собраніи было заслушано сообщеніе о совершаемыхъ 14-го мая текущего года 25-лѣтніи служенія въ священническомъ санѣ мѣстнаго іерее о. Авна Бородина. Собрание рѣшило прѣдвѣствовать о. Авна по случаю сего юбилея, поднести ему отъ имени общины соответствующій адресъ и св. икону, на 12-е мая (воскресенье) пригласить въ храмъ Таганской общины для совершения архіерейской службы московскаго архіепископа Іоанна съ прочимъ духовенствомъ и въ этотъ же день устроить трапезу для чествованія юбиляра. На покрытіе расходовъ, требуемыхъ для настоящаго чествованія, былъ предложенъ присутствующимъ на собраніи членамъ общины подписанъ листъ. Въ какихъ-нибудь 5 минутъ было подписано 721 рубль.

Далѣе обсуждался вопросъ о пріобрѣтеніи дома гг. Баулинныхъ, въ которомъ помѣщается храмъ Таганской общины. Домъ обходится въ 150 тысячъ рублей. Высказавшись за желательность пріобрѣтенія дома, собраніе поручило совѣту общины изыскать способы и средства для пріобрѣтенія означеннаго дома въ собственность общины. Собраніе закончилось выраженіемъ благодарности совѣту общины за его годичную дѣятельность и И. Е. Лажневу—за предѣлательствованіе на собраніи.

Въ воскресенье, 27-го января с. г., въ новомъ храмѣ Тихвинской старообрядческой общины въ Москвѣ, послѣ Божественной литургии, состоялось общее годичное собраніе членовъ общины. Предѣлательствъ собранія былъ избранъ единогласно М. И. Бриллиантовъ. Открытая собраніе, предѣлатель предложилъ помолиться за жертвователей и храмоздателей с.в. храма, въ которомъ мы сегодня впервые собрались на общее собраніе, а также и умершихъ членовъ общины, что и было исполнено.

Далѣе, согласно повѣсткѣ, собраніе разсматриваетъ слѣдующіе вопросы:

1) О пріятіи новыхъ членовъ въ общину. Заявленій о пріятіи поступило отъ 6 лицъ. Собраніе единогласно постановляетъ ихъ пріять.

2) Читается обзоръ дѣятельности совѣта и строительной комиссіи за 1911 и 1912 гг., изъ котораго видно что за это время совѣтъ общины и строительная комиссія не только собрали средства, но и выстроили новый храмъ, отчетъ по постройкѣ котораго будетъ представлять послѣ окончательной судѣбы храма. Выслушавъ докладъ, собраніе благодаритъ Е. П. Новикова за его труды и энергію по постройкѣ храма, архитектору Николаю Георіевичу Мартынову за его труды и сердечное отношеніе въ нуждамъ общины поднесши благодарственный адресъ.

3) Заслушивается докладъ ревизіонной комиссіи, которая проверила отчетъ по временной молельной, и нашла все въ порядкѣ, какъ наличность документовъ, такъ и правильность записей, и отмѣтила особую полезную дѣятельность Марія Ивановны Нечасовой.

Далѣе были произведены выборы членовъ совѣта и ревизіонной комиссіи на новое трехлѣтіе. Избраны слѣдующіе: Михайловъ, М. В.; Михайловъ, И. В.; Новиковъ, Е. П.; Агафоновъ, П. П.; Пшеничниковъ, П. А.; Митрофановъ, П. П.;

Крюковъ, А. Д.—въ члены совѣта. Въ ревизіонную комиссію избраны: Демидовъ, И. С.; Осиповъ, М. О.; Нестеровъ, Т. Ф. Затѣмъ предѣлатель просилъ собраніе выслушать телеграмму Государя Императора, полученную въ отвѣтъ на пріивѣтственную телеграмму, посланную общиной въ день освященія храма. Собраніе выслушало телеграмму стои.

По закрытіи собранія члены общины благодарили М. И. Бриллиантова за его труды и отзывчивость на нужды старообрядцевъ вообще, а Тихвинской общины въ особенности.

Посадъ Виронь, Черниговской губ.

(Отъ нашего корреспондента).

6-го января, въ день Богоявленія Госнодия, въ нашемъ посадѣ былъ совершонъ старообрядцамъ крестный ходъ на Іорданъ, на мѣсто, такъ называемое «Кришица». Кришица эта съ предѣловъ служитъ старообрядцамъ для освященія воды, такъ какъ близъ ея на горѣ была раньше старообрядческая церковь (нынѣ тамъ стоитъ единовѣрческая). Къ этому мѣсту водосвятія въ предъидущіе годы собирались крестные ходы изъ 3-хъ молитвенныхъ домовъ, а въ данное время, по случаю шовъ строящихся у насъ 3-престольнаго храма, приходы соединились для богослуженія въ одинъ молитвенный домъ, и изъ него процессія съ крестнымъ ходомъ, при звонѣ колоколовъ, съ двумя священниками, въ сопровожденіи массы народа, направилась къ мѣсту водосвятія. На этой «Кришицѣ» святили воду и единовѣрцы. Въ прежніе годы, бывало, наши старообрядческие крестные ходы прибывали къ этому мѣсту водосвятія, когда единовѣрцы уже успѣвали освятить воду, а теперь нашъ крестный ходъ приближался къ мѣсту «Іордана», когда они еще продолжали свое водосвятіе. Послѣ водосвятія единовѣрскимъ священникомъ, миссіонеромъ отцомъ Василіемъ Родионовымъ, была сказана рѣчь, конечно, на тему обвиненія старообрядцевъ. Народъ слушалъ его рѣчь, стоя на холодѣ съ открытыми головами. Стояла и наша процессія тоже съ открытыми головами, ожидая окончанія рѣчи миссіонера. Въ народѣ былъ слышенъ ропотъ, что Родионовъ это дѣлаетъ съ глѣбой подзадываетъ надъ нами, старообрядцами. Да и сами слушатели едва ли были довольны этой рѣчью; навѣрное каждый изъ нихъ въ душѣ подумалъ, что этой бесѣдѣ, здѣсь на холодѣ, съ открытыми головами, не мѣсто. По окончаніи водосвятія нашъ крестный ходъ въ томъ же порядкѣ возвратился въ молитвенный домъ, гдѣ и было закончено богослуженіе.

Изъ жизни господствующаго и иныхъ исповѣданій.

Опальный депутатъ-епископъ.

Вольскій депутатъ, епископъ Никонъ кременецкій, назначенный епископомъ енисейскимъ, подаль 26-го января заявленіе о предоставленіи ему отпуску по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, на два мѣсяца, считая съ 1-го февраля по 1-е апрѣля.

Думское вѣдѣніе полагаютъ, что епископъ Никонъ не потеряетъ места вслѣдствіе перевода его на енисейскую кафедру, и сохраненіе имъ депутатскихъ полномочій будетъ зависетьъ только отъ него самого.

Члены Государственной Думы оживленно обсуждали доставленіе синода о переводѣ епископа Никона на енисейскую кафедру. Общее возмущеніе вызываетъ политика В. К. Саблера, проявленная по отношенію къ епископу Никону, полагавшему въ оплату за свою самостоятельность, «не

налучшая ли это иллюстрация давления оберъ-прокурора на советъ подчиненнаго синоду духовства»,—говорятъ депутаты.

Правые члены Думы, начавшие кампанію противъ епископа Николая и добившіеся его перевода, упорно молчатъ, и только епископъ Анатолій, пораженный неожиданнымъ постановленіемъ синода, откровенно говоритъ, что и ему, несмотря на его дружбу съ лидерами правыхъ, чувствуется нелегко нести случившагося.

Важнымъ намъ было все-таки думать, а теперь, если «епископъ Николій уйдетъ, и все время будетъ лече, что скоро наступитъ и моя очередь»,—метаболически захватить епископъ Анатолій.

Со словъ лица, весьма близкаго къ синодному Николію, передаемъ слѣдующее: Опрежденіе синода, состоявшееся въ пятницу, 25-го января, о назначеніи епископа Николая на енисейскую кафедру явилось для него совершенной неожиданностью. Онъ узналъ объ этомъ въ засѣданіи Государственной Думы, когда собирался проанализировать по поводу разьясненія министра народнаго просвѣщенія, въ которой горько осуждалъ послѣдніе приемы борьбы съ неполадками въ средней школѣ. Вызванный по телефону, онъ долженъ былъ оставить собрание.

Веще болѣе поразило владыку то обстоятельство, что определеніе синода получило утвержденіе уже на слѣдующій день. Епископъ Николій не сомнѣвается, что определеніе синода состоялось не безъ вліянія членовъ правой фракціи Гос. Думы. Тамъ таковое нескрываемое недовольство двумя выступившими его—въ Русскомъ собраніи и оберъ-прокуроромъ домъ. Оберъ-прокурору синода и въ высшихъ церковныхъ кругахъ епископъ Николій былъ характеризованъ какъ с.-р., собирающийся отнимать землю у помѣщиковъ для крестьянъ. Этимъ разговоромъ епископъ Николій и объясняетъ неожиданную перемену въ своей судьбѣ.

«У насъ желаютъ, чтобы архіерей были рабами В. К. Саблера»,—говоритъ епископъ Николій, «но я не рабъ и никогда имъ не буду. Сажу ихъ радъ—прислажаться тошно». Епископъ Николій не сложитъ съ себя депутатскихъ полномочій до разьясненія компетентной инстанціи. Съ этой цѣлью онъ подаетъ заявленіе въ Гос. Думу о двухмѣсячномъ отпускѣ.

Епископъ Николій, помимо нежеланія бросить думскую работу, не можетъ отправиться въ Красноярскъ, изъ боязни могущей возникнуть съ консисторіей, которой будетъ извѣстно обо отношеніи къ епископу синода и которая можетъ попросту предложить ему «уйти на покой».

Тѣмъ не менѣе опубликовано уже Высочайшее утвержденіе доклада синода о назначеніи епископа Николая енисейскимъ и красноярскимъ епископомъ.

Ересь на Авоѣ.

23-го января на Авоѣ въ скиту св. Андрея произошли серьезные безпорядки среди иноковъ. Причины волненій, какъ передаютъ, сводится къ слѣдующему. Еще въ прошломъ году іерійскій монахъ Иларіонъ, жившій долгое время на Кавказѣ, написалъ книгу подъ заглавіемъ «На горахъ Кавказа», въ которой возмущиваетъ значеніе Іисусовой молитвы и придаетъ ей новое толкованіе, которое до сихъ поръ было чуждо богословской литературѣ. Иларіонъ утверждаетъ, что произносимое въ этой молитвѣ имя «Ісусъ» имѣетъ преимущество передъ всеми именами Сына Божія и отличается особой магической силой. Инокъ полагаетъ, что слово «Ісусъ»—ствъ Богъ, т.-е. отождествляетъ природу Сына Божія съ самимъ словомъ. Монахи, живущіе на Авоѣ, ознакомившись съ содержаніемъ книги Иларіона, немедленно выступили съ обширной критикой его ученія. Къ нимъ присоединились и архіепископъ Антоній волынской, который по этому поводу напечаталъ въскую статью въ «Русскомъ Инокѣ», издающаея три Почаевскаго лаврѣ. Однако среди авоѣнскихъ монаховъ изъ-за слова «Ісусъ» возникли разногласія и образовались двѣ враждебныя партіи. Сторонники теории монаха Иларіона провозгласили своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и архіепископа Антонія, еретиками и разослали соответствующія сообщенія въ особые листкахъ многими видными представителями русской церкви. Покойный вселенскій патріархъ Іоакимъ III незадолго до своей смерти послалъ на Авоѣ особую грамоту, въ которой осуждалъ ученіе Иларіона и воспретилъ инокамъ читать его книгу. Патріархъ грозилъ инокамъ отлученіемъ отъ церкви въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Часть монаховъ не послушалась покойнаго патріарха и продолжала пропагандировать ученіе Иларіона. Настоятель Папугельмонского монастыря на Авоѣ, видя, что число поклонниковъ Иларіона увеличивается, обратился въ русской синодъ съ ходатайствомъ о разьясненіи содержанія названной книги. Синодъ поручилъ члену Гос. Совѣта епископу Николію представить въ ближайшее время подробный отзывъ о книгѣ монаха Иларіона «На горахъ Кавказа».

Издатель А. И. Королевъ.

Редакторъ И. П. Федоровъ.

Советъ Старобрядческой Остоженской Общины въ г. Москвѣ

покорнѣе проситъ Васъ пожаловать на общее собраніе членовъ Общины, имѣющее быть 10 февраля 1913 г., въ 9^{1/2} ч. утра, на Остоженкѣ, въ 3 Ушаковскомъ пер., въ домѣ Общины.

ПРЕДМЕТЫ ЗАНЯТІЙ:

- 1) Принятіе новыхъ членовъ въ Общину.
- 2) Докладъ доверенныхъ лицъ.
- 3) Утвержденіе отчета за 1912 г. и сѣты на 1913 годъ.
- 4) Избраніе членовъ Совѣта и кандидатовъ къ нимъ на три года.
- 5) Избраніе доверенныхъ лицъ на 1913 годъ.

„ГОЛОСЬ И РЪЧЬ“

Журналъ для ораторовъ, юристовъ, пѣвцовъ, проповѣдниковъ, лекторовъ, педагоговъ, артистовъ, любителей краснорѣчья.

Сегодня вышла январь выписка.

Содерж: Проф. Варнеке—Античная маска и декламация. П. П. Гадъичъ. Сила звука на сценѣ. Проф. Соиня. Педагогика пѣнія. Ада Мартель: Расширь и углуби итальян. шк. пѣнія. В. В. Сладковцевъ. Обь одностопномъ чтеніи. Д-ръ Эрбштейнъ. О времени, потерѣ голоса. А. В. Таскинъ. О мелодекламации. А. Лановскій. Сила голоса, громкость и крикъ. П. А. Перелечикъ. Какой голосъ быть у Петра Великаго. В. В. Ческовъ. Сокращеніе жеста. Прот. М. А. Лещинъ. Живое слово съ церк. каедры. Пр. доц. А. Г. Тимошевъ. Переломъ въ ораторіи въ эпоху франц. револ. Н. Н. Сентвирня. Судьба устной рѣчи въ школѣ. Библиографія. Хроника. Лекція, общества, собранія, юбилеи. Смѣсь.

ПОДПИСКА ПРИНИМ. въ редакц.: С.-Петербургъ, Чернышова площ., 6. Въ книжк. маг. въ годъ 2 р. 50. Отдѣльн. номера по 25 к. Разсрочка: при подпискѣ: 1 р. 50 и къ 1-му апрѣлю—1 р.

Содержаніе:

Древняя Церковь и новая.—Объ омофорѣ, сакоксѣ и митрѣ.—Обзоръ печати: Везреингозное богословіе.—Прекіне и нынѣшніе искатели архіерейства, ст. Шалаева.—Судьбы первоначальныхъ старообрядческихъ типографій въ Россіи, ст. А. Павлова.—Второй Римъ, повѣсть епископа Мизаила.—Отвѣты редакці.—Церковно-общественная жизнь.

Рисунки и снимки.

СТАРОБРЯДЧЕСКИЙ УЧИТЕЛЬ
 семейный желает получить место. Имю свид. на означ. зван., могу обучать старообр. пѣнію. Разтоііе безразлично. Адресъ: Н.-Новгородъ, Кавалино, Купеческая больница, Мушкарлову-Марканову.

Ищу должность уставщика, знающій церковное пѣніе, тѣзсваго поведения старообрядец. Вѣлокриницкой іерархii. Адресъ: с. Б. Знаменка, Тауричес. губ., И. М. Глыбну.

Требуется на Кавказъ близъ Пятигорска старообрядка кассир. опыт., знающ. хор. хоз., сред. дѣл. или вдов., прил. ж. Адресъ: Георгіевск., Тер. об. Нов.-Павлов. Г. Г. Куряеву.

С-ПЕТЕРБУРГЪ ПЕРИМНАЯ №1.

**ТОВАРИЩЕСТВО
 П. И. ОЛОВЯНИШНИКОВА
 СЫНОВЬА**

.....**ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ**.....
 ..**ПАРЧА КОЛОКОЛА ИКОНЫ**..
 ..**ЦЕРКОВНАЯ ЖИВОПИСЬ**..

МОСКВА НИКОЛЬСКАЯ.

КАТАЛОГЪ

Объединеннаго Кіевскаго и Московскаго книгоиздательства старообрядческихъ пѣвческыхъ крюковыхъ книгъ подѣ фирмою

„ЗНАМЕННОЕ ПѢНІЕ“

Адресъ: Москва, Владиміро-Долгоруковская ул., Чухинскій пер., д. № 15, Н. П. Кучкова, Книгоиздательству „Знаменное Пѣніе“.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

ПѢВЧЕСКІЯ КРЮКОВЫЯ КНИГИ.

УЧЕБНЫЯ:

1. „Азбука церковнаго знаменнаго пѣнія“ Л. Ф. Калашникова, изданіе 2-е исправленное и дополненное; въ обложкѣ цѣна 75 к., въ коленкоромъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ цѣна 1 руб.
2. Октая“ въ обложкѣ цѣна 1 руб. 50 коп., въ коленкоромъ переплетѣ цѣна 2 руб.
3. Азбука демественная“ съ разводомъ на простыя крюки. Составилъ Л. Ф. Калашниковъ, въ обложкѣ цѣна 75 к., въ коленкоромъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ цѣна 1 руб.
4. „Учебникъ знаменнаго и демественнаго пѣнія“ Л. В. Быстрова, въ обложкѣ цѣна 75 коп., въ коленкоромъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ цѣна 1 руб.

Примѣчаніе. Школамъ, выписывающимъ учебныя крюковыя книги на сумму не менѣе 5 руб., дѣляется скидка 30% при пересылкѣ за счетъ покупателя.

БОГОСЛУЖЕБНЫЯ:

1. Ирмосы полныя въ обложкѣ. Цѣна 10 руб.
2. Октая полный въ обложкѣ. Цѣна 5 руб. 50 к.
3. Обиходъ полный въ обложкѣ. Цѣна 6 руб.
4. Праздники дванадцатые въ обложкѣ. Цѣна 9 руб.
5. Обѣдница знаменнаго и демественнаго распѣва съ архіерейскимъ служеніемъ, въ обложкѣ. Цѣна 4 руб.

Примѣчаніе. Вышесказанныя пять книгъ продаются и въ переплеткахъ: въ кожаномъ прочномъ на 2 руб. 50 коп. дороже; въ коленкоромъ съ тисненіемъ золотомъ и краской, кожаный корешокъ, на 1 руб. 25 коп. дороже. Книги: Октая съ Обиходомъ, Обиходъ съ Обѣдницей, въ кожѣ, имѣются переплетенными двѣ въ одинъ переплетъ, цѣна переплетовъ та же, т.-е. 2 р. 50 к.

Книга „ИРМОСЫ“ полныя съ розничками на Рождество Христово в Богоявленіе и съ припѣвами къ 9-и пѣсни по Уставу только что вышла изъ печати и поступила въ продажу. Цѣна до 1-го апрѣля 1913 года въ обложкѣ съ перемычкой 8 рублей. Послѣ же 1-го апрѣля будетъ 10 рублей.

Желающіе эту книгу получить по льготной цѣнѣ благоволятъ съ заказами на нее поспѣшить, дабы не пропустить предоставленныхъ льготъ.

При заказѣ книгъ необходимо присылать задатокъ или всю сумму и писать разборчиво свой адресъ, указывая ту почтовую контору или желѣзнодорожную станцію, гдѣ желаютъ получить посылку.

Желя устранитъ затрудненія гг. покупателей въ опредѣленіи стоимости пересылки, книгоиздательство принимаетъ пересылку пѣвческихъ книгъ на свой счетъ. Пересылка же на другія книги и изданія относится на счетъ покупателей.

Примѣчаніе. Выписывающимъ одновременно пѣвческихъ крюковыхъ книгъ на сумму не менѣе 25 рублей дѣляется скидка 20%, на 50 р. и болѣе—25%. На переплеты скидка не дѣляется. При скидкѣ пересылка относится на счетъ пріобрѣтателя.

Торговцамъ высылаемъ особыя условія.

Просимъ старообрядцевъ всѣхъ согласій о вышеназванныхъ пѣвческихъ книгахъ рекомендовать могущимъ интересоваться старообрядческими крюковыми книгами.

Издатели: { *Лазарь Филипповичъ Калашниковъ.*
Макарій Давыдовичъ Озарновъ.
Николай Павловичъ Кучковъ.